

ЛИДИЯ ЛАЗОР

**ЛЮБОВЬ,
УБИТАЯ
ВОЙНОЙ**

**Прости, Господь, нас за жестокость,
Раскрой, Творец, сердца любви,
И уничтожь ты в нас порочность,
А путь добра – восстанови.**

ЛИДИЯ ЛАЗОР

**ЛЮБОВЬ, УБИТАЯ
ВОЙНОЙ**

Роман в стихах

Том II

Второе издание
Доработанное и дополненное

Под редакцией автора

Г. ЛУГАНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НОУЛИДЖ»
2017 ГОД

УДК 82-1(477.61)
ББК 84(Укр-4Луг)6-5
Л-17

Лазор Л. И.

Любовь, убитая войной. Роман в стихах. Т. 2. Второе издание. Доработанное и дополненное. / Лидия Лазор. – Луганск: Изд-во «Нолидж», 2017. – 336 с.

ISBN 978-615-579-693-1

В тридцать четвёртой книге «Любовь, убитая войной», которая является вторым томом дилогии, талантливый поэт и прозаик Лидия Ивановна Лазор представляет роман в стихах, написанный воззванной онегинской строфой, то есть такой же, какой был написан роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Данная строфа состоит из 14-ти строк и имеет определённую схему рифмовки. Оба романа дилогии – «Души лампадный свет» и «Любовь, убитая войной» - перекликаются между собой и являются одним литературным произведением.

Эта строфа используется автором впервые в постсоветском пространстве. В настоящее время авторы не используют ни подобный жанр произведений, ни онегинскую строфу ввиду сложности её построения и написания.

Но Лидия Ивановна в романе «Любовь, убитая войной», несмотря на нелёгкую литературную рифмовку, смогла создать для читателей роман в стихах, написанный интересным классическим и доступным языком. В нём она сумела вскрыть непростые проблемы, которые обрушились на народ Украины и Донбасс в результате гражданской войны 2014-2017 гг. (перемирие заключено в 2015 году, но, однако, на момент окончания написания романа перестрелки, порой очень жестокие, продолжаются). В романе автор показывает боль, горе и смерти тысячи безвинных людей, где царили любовь, благодать и мир, однако, эти, Богом данные, ценности уничтожила жестокая война. Она посеяла не только боль и печаль в Донбассе, но и нищету, и разруху в Украине в целом.

Вместе с тем, автор верит, что убитая любовь, даже пройдя сквозь тернии, возродится и будет цвести зовом души и сердца через опосредованную мудрость народа.

82-1(477.61) УДК
84(Укр-4Луг)6-5 ББК

ISBN 978-617-579-693-1

© Лазор Л.И., 2017

И Я ПРОТИВ ЗЛОБНОЙ СЕЙ ВОЙНЫ...

В свет выходит 34-я книга известного и талантливого поэта и писателя Лидии Ивановны Лазор «Любовь, убитая войной». Эта книга уникальна уже тем, что по жанровой специфике является романом в стихах. Важно отметить, что роман в стихах – это достаточно сложный и необычный жанр. Классический его пример – роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». В литературе практически нет других примеров, поэты почти не обращались к этому жанру ввиду его сложности. Но уникальный талант Лидии Ивановны Лазор позволяет ей создавать такие редчайшие по жанру и смысловой глубине книги. Ведь перед нами не просто роман в стихах, а роман о любви, уничтоженной войной, свидетелями которой мы являемся. Данная книга автора является её 10-м романом в стихах. И, как и предыдущие, этот роман интересный, самобытный, многогранный и яркий.

Новый роман в стихах Л. И. Лазор является вторым томом дилогии, состоящей из романов – «Души лампадный свет» и «Любовь, убитая войной». Интересно, что эти два романа написаны с промежутком времени в 14 лет! И они не случайно перекликаются между собой, хотя один роман написан в мирном 2003 году, когда все украинцы жили в благополучной стране, а другой – в военном 2017 году, когда все мы узнали, что такое война, поняли огромное значение и смысл слова «мир». В 2017 году Лидия Ивановна вновь обращается к роману в стихах «Души лампадный свет». Перечитывая его, автор написала эпилог уже в 2017 году, в котором говорит о том, что власть Украины устроила кровавую бойню, взрастила ненависть славян друг к другу, послала убивать своих сыновей – земляков и братьев:

Родился эпилог от боли,
Как прочитала вновь роман.
Ну что ж, правители, вы доли
Пустили в зло и под обман!

Два романа имеют разных героев, разный сюжет, но события развиваются в одной стране, только в первом романе в мирной, во втором – в охваченной войной. Ещё острее в романе «Любовь, убитая войной» становятся темы семьи, любви, счастья, Родины, чести и достоинства. Лидия Ивановна в своём эпилоге в романе «Души лампадный свет» обращается к власти, которая развязала эту жестокую войну, разбила человеческие судьбы, унесла жизни. А ведь автор предупреждала власть в своём первом романе о том, что нужно беречь страну, заботиться о людях, а не набивать свои карманы. И вот к чему привело желание власти Украины только обогащаться самим – к войне, к вражде с братской Россией, к разрушению когда-то большой и богатой страны Украины. И проблемы и в одном, и в другом романе перекликаются между собой – это и желание любить и быть любимыми, и стремление к счастью, и бескрайняя любовь к Богу и Родине. В обоих романах красной нитью проходит духовная тема. Ведь настоящая духовность в людях, переданная через образы героев романов, напрямую связана с высокой нравственностью, духовной культурой человека, которую Лидия Ивановна своими произведениями воспитывает в людях. Настоящая вера в Бога способна менять людей, помогает их прозрению, учит терпимости и доброте. Вот почему автор и в первом романе «Души лампадный свет», и во втором «Любовь, убитая войной» верит и в

торжество добра над злом, и в победу Донбасса, а также в то, что нас рассудит Господь и всем воздаст по заслугам.

Язык произведений, стилистика, тематика также перекликаются в романах дилогии. Только первый роман «Души лампадный свет» написан уникальной «лазорской строфой», которая является изобретением автора и состоит из 20-ти строк, по-особому рифмующихся между собой. А второй роман «Любовь, убитая войной» автор написала так называемой «онегинской строфой», к которой неоднократно обращается Л. И. Лазор в своих произведениях.

И, думаю, важно добавить, что читателю интересно будет прочитать оба романа один за другим, чтобы прочувствовать те идеи и мысли, которые талантливый и мудрый автор дарит своим читателям.

Необходимо подчеркнуть и то, что роман в стихах «Любовь, убитая войной» является актуальным в наши дни произведением. Лидию Ивановну Лазор как поэта, глашатая правды, как нашу современницу, как свидетеля войны в Донбассе 2014 года, волнуют насущные проблемы нашего времени, нашего общества, связанные с этой страшной войной. В послевоенный период эта книга уже вторая по счёту, в первой, «Оскал украинской войны», автор показала все ужасы и страхи войны, всю жестокость и ненависть тех, когда-то наших сограждан, которые стреляли по нашим городам и сёлам, уничтожая мирных жителей, детей, школы, сады, больницы.

Лидия Ивановна Лазор - директор Института юриспруденции и международного права Луганского национального университета имени Владимира Даля, доктор юридических наук, профессор. Она - Почётный профессор ВНУ им. В. Даля и ЛНУ им. В. Даля ЛНР, Заслуженный юрист Украины, академик Международной Академии информатизации, академик Международной Академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, академик высшей школы Украины, Заслуженный деятель науки и техники, комиссар II ранга, генерал-лейтенант Международного комитета защиты прав человека.

Очень важно отметить, что Л. И. Лазор не понаслышке знает, что такое война, сколько горя людям приносит она, сколько разрушений и хаоса вносит в человеческую жизнь. Её отец, Уханов Иван Михайлович, 1905 года рождения, погиб во время Великой Отечественной войны, сражаясь за Родину. Мать, Уханова Анна Михайловна, 1908 года рождения, одна воспитала семерых детей. На всю жизнь оставила след Великая Отечественная война в сердце Лидии Ивановны.

И вот снова война! В 21-м веке братоубийственная и жестокая война! Она изменила судьбы людей. Многие покинули свои дома, уехали, куда глаза глядят, спасаясь от войны, многие же потеряли своих близких и родных людей – кто погиб в боях, сражаясь за родную землю Донбасса, кто пал от пули или снаряда, выпущенной бездумно кровояками, а некоторые семьи просто разделились и разошлись по разные стороны конфликта. И таких семей, жизнь которых, была нарушена, а то и разбита, войной очень и очень много. В своём романе «Любовь, убитая войной», Л. И. Лазор на примере одной семьи показывает все те сложные проблемы, которые вскрылись в результате войны и разрушили жизнь одной семьи. По разные стороны баррикад оказались два родных брата – Михаил и Николай. Ребята росли вместе, дружили, играли,

взрослели и надеялись на счастливое будущее, но жизнь и обстоятельства распорядились по-другому. Михаил жил во Львове, а Николай оказался в Донбассе. Автор показывает, как живёт Николай. Он работает в Луганске судьёй. Здесь же встретил свою любовь Верочку. Очень красиво, трогательно, с присущей женщине нежностью, описывается в романе развитие отношений Коли и Веры. Какое же прекрасное и великое это подаренное людям Богом чувство – любовь! Мы с восторгом и наслаждением читаем эти красивые строчки о любви, как же радуют они душу и сердце! Гений Л. И. Лазор заключается ещё и в том, что читатели так погружаются в события произведения и так увлекаются происходящим, сопереживают героям, что наблюдается некий «эффект присутствия». Вот почему, когда начинаешь читать роман Лидии Ивановны, непременно хочется дочитать его до конца. И после прочтения остаётся приятное, если можно так сказать, послевкусие, желание подумать, поразмышлять, помечтать.

Всё у Коли и Веры складывалось хорошо. Они сыграли весёлую свадьбу, стали счастливо жить. Верочку любили все, она успешно работала врачом, всем дарила заботу и внимание. Вскоре в семье родилась дочь Светочка. Всё складывалось мирно и благополучно. Но тучи войны сгустились над Донбассом, Украина решила силой подавить свободолюбивый Донбасс и пошла на него с оружием. Здесь уместно отметить, что роман в стихах «Любовь, убитая войной» основан на реальных событиях войны 2014 года в Донбассе. И Коля, как настоящий патриот, гражданин, мужчина и защитник, пошёл воевать за свой родной город, за свою семью. Он сражался за свою землю с укрофашистами мужественно и отважно. Но дороги войны свели двух братьев, один из которых работал в службе безопасности Украины, а другой служил в ополчении Донбасса. И теперь они были не братьями, они стали – врагами. Ярая ненависть и жгучая злоба уничтожили всё человеческое в укропатриотах, поэтому Михаил жестоко убил своего брата Колю, подвергая его бесчеловечным пыткам и издевательствам. Украина ведь не случайно прославляет Беднеру и Шухевича, националистов-головорезов, которые уничтожали людей целыми поселениями. Вот почему среди укровояк процветает неистовая жестокость и зверство. И это, кстати, одна из причин, по которой разошлись взгляды Украины и Донбасса, и двух братьев. Эти идеи не один год лукаво развивали в Украине Соединённые Штаты Америки и Запад, что и привело к таким печальным последствиям.

Такова правда жизни, как бы нам не было горько и больно, истинное назначение поэта заключается именно в том, чтобы донести до народа всю боль, жестокость, горечь, бессмысленность войны, которая несёт людям горе, потерь, ужас разрушений и просто страх существования. Л. И. Лазор говорит о том, что в этой братоубийственной войне погибли тысячи людей, детей и стариков, не говоря уже об ополчении. В романе погибает главный герой Коля, друзья Коли и Веры – Саня и Аня, родители мальчика Пети, которого взяла к себе в семью Верочка, и многие другие. Ведь славянам присущи милосердие и доброта, взаимовыручка и помощь ближнему. Читатель переживает каждую смерть, горе каждой семьи, всё больше убеждаясь в том, что власть Украины, развязавшая эту страшную войну, преступна и безответственна. Это жестоко, но так было, война продолжается, и мы все являемся свидетелями этих страшных событий, а Лидия Ивановна, понимая своё назначение – поэта и гражданина, – отражает это в своих книгах:

Снаряды всюду разрывались,
И болью в сердце всё взывались,
А враг всё крови добавлял,
И людей мирных убивал...

А если люди знают правду о войне, понимают, что её последствия непоправимы, то, возможно, смогут и предупредить или остановить бессмысленную братоубийственную бойню. Вот почему мы должны всегда помнить наших героев, спасших мир от коричневый чумы.

Роман в стихах «Любовь, убитая войной» Л. И. Лазор имеет важное воспитательное, патриотическое и историческое значение. Он на века сохранит свою актуальность, ведь, как показывает реальность, война может прийти в любой дом, в любую семью, где брат может убить брата. Многие поколения смогут изучать войну на Донбассе по этой книге, так как в наши дни люди почти не пишут книг о происходящих событиях, а мы обязательно должны сохранить память о них для потомков. И своих детей мы должны воспитывать на таких книгах, как роман Лидии Ивановны, чтобы в нашем обществе жили настоящие патриоты, умеющие любить свою Родину и способные всегда в случае нападения врага защитить её. Только с таким поколением мы сможем построить общество, Республику, которая будет процветать, и где все будут счастливы:

Но мы ж Донбасс отвоевали,
Создав Республики свои,
Выдержали за них бои –
Республикой Луганской стали.

Необходимо отметить, что стиль, язык и художественные особенности романа Л. И. Лазор «Любовь, убитая войной» являются редкими для современных авторов, и встретить произведение, написанное подобным образом, практически невозможно. Но талант и редкий литературный дар Лидии Ивановны не перестаёт удивлять нас, читателей и поклонников её книг, а её творчество - радует и восхищает.

Роман в стихах «Любовь, убитая войной» написан так называемой онегинской строфой. Строфа получила своё название именно потому, что великий классик русской литературы А. С. Пушкин написал ею свой роман в стихах «Евгений Онегин». Состоит строфа из 14-ти строк. В такой строфе располагается три катрена (четверостишия) и двустишие. Но гениальность строфы заключается в том, что рифмуются эти четверостишия и двустишие совершенно по определённой схеме или формуле: AbAb CCdd EffE gg, и эта рифмовка с чередованием типов и видов рифмы соблюдается на протяжении всего повествования. Исторически онегинская строфа была взята из классического английского и итальянского сонета, который и состоял из 14-ти строк. Писать произведения такой строфой достаточно сложно, поэтому очень немногие поэты обращались к её использованию. После А. С. Пушкина онегинскую строфу можно встретить в малоизвестных произведениях Максимилиана Волошина и Вячеслава Иванова, и на английском языке написал один из своих романов Владимир Набоков. Современные авторы и вовсе не обращаются к столь нелёгкой литературной рифмовке. Поэтому безошибочно можно утверждать, что в наши дни Лидия Ивановна Лазор является новатором в использовании онегинской строфы в своём романе в стихах «Любовь, убитая

войной». Использование знаменитой на весь мир онегинской строфы в современном, актуальном по своей тематике, произведении является признаком незаурядного таланта и поэтической гениальности автора, дарованной ей свыше. Кроме того, в романе используются всевозможные виды художественных приёмов, присущих литературным произведениям. Автор очень умело и мастерски использует эпитеты, метафору, гиперболу, сравнение для красоты и убедительности речи героев и всего романа в целом.

Несколько слов в заключении хочется сказать об эпилоге романа. В романе он играет особую роль, ведь это уже слова автора, а не героев. И здесь Лидия Ивановна Лазор говорит о своём отношении к войне, которая коснулась непосредственно и её, но по воле Божьей она осталась жива, ведь она, как никто другой, может и должна рассказать потомкам об этой страшной войне:

И война меня бомбила,
Да осколками знобила,
Людским горем, болью обняла,
Где дом мой также пострадал,
Без окон и дверей стоял.
И возле меня снаряд упал,
А я чудом уцелела,
В этот час Господь меня воззвал,
О войне б сказать сумела...

Лидия Ивановна в эпилоге обобщает всё, о чём говорилось в романе, но уже в общечеловеческом смысле, здесь говорят не герои романа, а автор произведения. В обоих романах дилогии, и в «Души лампадный свет», и в «Любовь, убитая войной», автор поднимает вопросы нравственной составляющей человеческих отношений, вопросы гуманизма, давая понять читателям, что все славяне братья, что мы единый народ со своей культурой, со своим менталитетом, поэтому нам чужды интересы и ценности США и Запада, на который сейчас равняется Украина. Поэт ещё раз напоминает обо всей жестокости и бессмысленности развязанной войны, о том, что все мы были когда-то братьями, о многочисленных жертвах и разрушениях, о разбитых семьях и судьбах, и о том, что пора уже это безумие остановить и покаяться всем, ведь жизнь, дарованная людям Господом, даётся, чтобы наполнить её содержанием и смыслом:

Ты за всё, Всесущий, нас прости,
Дай нам разума и счастья,
Изведи из нас ненастье,
И на путь добра нас возведи,
Чтоб мы очистились душой,
Воззвав прощенье меж собой.

Литературный аналитик творчества Л.И. Лазор
Т. Хархордина 23.02.2017 г.

ПОБЕЖДАЕТ – НРАВСТВЕННОСТЬ

Насильственное свержение власти в Киеве всколыхнуло народ Донбасса, затронуло его самые животрепещущие струны, подняло на борьбу за сокровенные свои права. Война, как лакмусовая бумажка, выявила нравственную основу людей, их мировоззрение и человеческие качества. Хорошие люди стали ещё лучше, плохие – во всей красе вскрыли своё подлое, бесовское нутро. Наносное смелось, а истинное, хранимое в глубинах человеческой души, дало обильные всходы.

Одни не стали отрекаться от родного языка, предавать подвиг отцов-фронтовиков, терпеть переписывания Отечественной истории и взялись за оружие, другие – стали на путь превращения Украины в фашистское государство, и тоже взялись за оружие.

Началась братоубийственная трагедия.

Потянулись к перу и писатели, желая передать своё ощущение как исторических событий, так и накал времени.

Война 2014 года не могла не пройти и через сердце Лидии Ивановны Лазор – автора более тридцати книг драматургии, поэзии и прозы, на мой взгляд, феноменального, известного далеко за пределами ЛНР.

В художественной литературе нет ни одного жанра, которого бы ни касалось её перо, а если брать поэзию, то ей под силу все формы стихосложения вплоть до онегинской строфы, где порой одним словом, одним звуком улавливается богатое жизненное воображение, движение чувств и мысли.

Для Лидии Лазор это вторая война в её жизни. Первую, Великую Отечественную, она пережила в детстве. Чёрная печаль безотцовщины к совсем хрупкой девчонке пришла рано, но не сломила её, а наоборот – сделала трудолюбивой, чуткой к чужому горю, упорной и непримиримой к вызовам реальной послевоенной действительности.

Я – дочь погибшего отца.

Ты не ласкал меня, мой папа.

Но буду ждать я до конца

Тебя – с войны домой солдата! -

утверждала она в ранних своих стихах. И это стало делом её всей жизни. Незатухающая боль прошлого переросла в большую любовь к людям, к глубокому осмыслению Божьих Заповедей, в которых заложена великая мудрость нравственных основ человеческого бытия, гласящая о том, что без любви к ближнему, без милосердия у человечества нет будущего.

И вот – десятый её роман в стихах «Любовь, убитая войной». Само название романа уже звучит как предупреждение всему миру, что только в любви – спасение от надвигающегося Армагеддона зла.

Как давно завоевавший симпатию своего читателя мастер, Лидия Лазор в стержень книги вложила развал некогда благополучной, чуткой, жизнелюбивой семьи. В этом глубокий философский смысл, несущий в себе образ развала родного ей, только что получившего независимость молодого государства – Украина.

Два брата: Николай и Михаил в связи с начавшейся братоубийственной войной в Донбассе, оказались по разные стороны баррикад. Чтобы защитить родной край от надвигающейся фашистской чумы, Николай ушёл в ополченцы,

Михаил, попав под фальшивые идеалы Запада, – в нацисты.

Николай – олицетворение построения государства на Божьих Заповедях, в котором царит святая сила любви, Михаил – государства алчного, где о совести и милосердии не может быть и речи, где правы денежные воротилы, а насилие и ненависть друг к другу у людей отнимает разум.

Два брата. Два антипода. Как свет и тьма, огонь и лёд, вода и камень.

В кульминации романа страшная сцена жестокой, потерявшей всё человеческое, казни Михаилом попавшего в плен к украм брата Николая. Она пронзает читателя суровой правдой, образами, наполненными ужасами войны, заставляет глубоко задуматься над смыслом жизни, её хрупкостью, быстротечностью и христианской сутью, ужасает звериной ненавистью, которая совывает мир на грань вселенской катастрофы.

«Любовь изгоняет страх» – утверждал Иоанн Богослов. И подтверждение этому мы видим в образе мученика Николая. Михаил же слаб в своей беспредельной жестокости, но, ослеплённый наркотой чуждой славянству пропаганды, думает, что он не рыцарь на час, а подлинный герой своего времени.

Казалось бы, в этой схватке должен победить Николай, как торжество Добра над Злом. Но это было бы простое, внешнее, затасканное в художественной литературе решение. Автор романа берёт глубже и идёт дальше. Он понимает, что на кону не только судьба семьи, не только судьба государства, но и по большому счёту – планеты, что со злом идет не борьба, а битва, и его можно победить только тогда, когда удастся добраться до глубины корней, осознать, что впереди перед нами – пропасть бездушия.

Идёт братоубийственное противостояние.

Кровь льётся рекой. Каждая человеческая смерть в романе так болюче пропущена через душу автора, суровой правдой, что заставляет вздрагивать и читателя.

Правда! Какой бы она ни была горькой, уже – Добро, потому как через крик души осветляет разум и, значит, в конце концов, приведёт к поражению Зла.

Пусть Михаил физически выиграл поединок, но духовно победа всё-таки за Николаем. И в этом – сила романа.

Я намеренно не касался полного раскрытия сюжета данного произведения. Это дело читателя. Вся интригу, все коллизии и действия героев оставим ему. Главное, как говорил Михаил Юрьевич Лермонтов, указать диагноз, а как лечить болезнь – пусть решает общество.

Ко всему вышесказанному хочу добавить, что Лидия Ивановна Лазор, на мой взгляд, нашла единственно верную форму к содержанию, продиктованную нынешними огненными событиями, и за которую по-настоящему из пишущей братии пока серьёзно никто не брался, это – онегинскую строфу.

Кроме Александра Сергеевича Пушкина, до сей поры не далась она никому. Решение Лидии Лазор её обуздать вызывает восхищение автором, она делает роман лёгким в чтении, доступным почти для всех возрастов читателей и решает насущные проблемы нашего времени.

Андрей Медведенко
Член союза писателей СССР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Все в городе во Львове жили,
Старший брат, милых две сестры,
Да братца вскоре поженили,
И он уехал в дальние версты.
Там жил, сестрёнкам помогая,
Их часто в гости приглашая,
Даря им радости разбег
В их младостный счастливый век.
Они, как птички, щебетали,
Встречая жизненный свой путь,
В него стремясь заглянуть,
И счастья для себя искали.
Да так, чтоб с милым не тужить,
Друг друга солнечно любить.

II

Таких сердечком повстречали,
Создав свой радостный очаг,
И вскоре деток уже ждали,
Спешили жить они вот так.
И Таня вышла за Романа,
А Света мигом за Ивана.
И первой Таня родила,
Сынульку Мишей назвала.
А Света на сносях ходила,
Светяся женской красотой,
Любимой, яркой и родной,
И Таню крёстной быть просила.
Сестра согласие дала,
Чем в радость Свету возвела.

III

И вот уж схватки появились,
В больницу Свету отвезли,
Да роды тяжестью ложились,
И боли дикой мукой жгли.
Что в бессознание вдруг впала
И уж дыханье терять стала.
Врачи спасали, как могли,
В глубь чрева Светочки вошли.
Все аппараты подключили,
Стремясь Светлане жизнь вдохнуть,
Чтоб счастье доли не задуть,
Ведь у врачей надежды были...
Но всё же Света умерла,
А вот мальчонке жизнь дала.

IV

И в скорби Свету схоронили,
Ей крест с портретом возвели,
И панихиду отслужили,
А сына Колей нарекли.
И забралá его Татьяна,
К нему душа была возванна,
Ведь сестру она любила,
О ней горестно грустила.
А Колю молочком кормила
И не жалела ничего,
Лаская нежностью его,
Как сыну путь ему торила.
А вот отец его запил
И вскоре жизнь свою сгубил.

V

Однажды он пошёл в лесочек,
Грибов чтоб Тане принести,
Да, как всегда, зашёл в ларёчек,
И в свой очаг не смог дойти.
Он пьяным в драку здесь ввязался,
Избитым, как бандит, валялся.
Но всё же встал, чуток шагнул,
Да на прохожего прильнул.
Прохожий злобно рассердился,
Ударил с силою его,
В кровь размозжив ему чело,
Что он на землю повалился.
Иван здесь замертво упал
И больше он уже не встал.

VI

Его с женою положили,
Венок повесили на крест,
К нему родные не ходили,
Не ездили из дальних мест.
В селе родители ведь жили
И стёжку к внуку позабыли.
Внук остался сиротою
С детской милою душою.
Он Татьяну мамой называл,
Как котёнок к ней ласкался,
С братиком легко игрался,
Папу Рому с радостью встречал.
И Рома тоже лаской ник,
Любовью к Коленьке проник.

VII

А мама Таня горевала,
Что такой путь у Коли лёг,
Очень сердцем переживала,
Чтобы в достатке жить он смог.
И разницы меж сыновьями,
Как меж любимыми друзьями,
Совсем не делала она,
Себя дарила им сполна.
И Коля с Мишей жили славно,
Но больше к маме Коля льнул,
Не раз, чтоб сесть – ей стул тянул,
Цветя улыбкой к ней отрадно.
Мама Таня умилялась,
К Коле нежностью слагалась.

VIII

И дни бежали за деньками
Своей усладной тишиной,
Порой роскошными флажками
Взвивались радостной судьбой.
Ввысь на параде первомайском,
Чеканным шагом, зовом братским,
Где песня весело лилась,
А с ней и пляска удалась.
Вот так в то время ликовали,
Ведь молодость лилась рекой,
С открытой яркою душой –
Бойцы Отчизны возрастали.
Где доля дружбою цвела,
И жизнь остуды не ждала.

IX

И братья в Киеве учились,
Учёными хотели быть,
Старанием они роднились,
Желая славушку добыть.
И Коля слыл уж адвокатом,
Своим он помогал ребятам.
А Миша технику любил,
Он к ней дороженьку торил.
И институты завершили,
Уехав в разные места,
Куда кого звала верста,
Но братья дружбой дорожили.
В Донбасс Никола сверстал путь,
Туда хотелось заглянуть.

Х

А Михаил во Львов уехал,
Его туда судьба вела,
Но к брату всё же он заехал,
Затем их доля развела.
Но каждый путь свой множил делом,
И каждый был в работе смелым.
Вновь Миша на завод пошёл,
Путь инженера там нашёл.
А Николай судьёй трудился,
Но он науку не бросал,
И вдруг он Веру повстречал,
Да вот, похоже, что влюбился.
А виду всё ж не подавал,
Но а на встречу намекал.

XI

И для того, чтобы отвлечься,
Поехал Львов он навестить,
На дискотеку, чтоб развлечься,
И с роднёй встречу освежить.
За ним ведь мамочка скучала,
Разлукою томиться стала,
Что к ней не едет всё сынок,
А ей казалось, что он мог.
И, наконец, сынок, явился,
Таня довольная была,
Всем сердцем сына обняла,
Взор солнечно её светился.
И Коля по родне скучал,
Мать с трепетом поцеловал.

ХП

Тут и отец бегом примчался,
Он тоже встрече с сыном рад.
Вмиг разговорчик завязался,
Прознав о встрече, пришёл сват.
Во Львове Миша ведь женился,
С женой Людмилою явился.
И дружно с нею Миша жил,
Свою Людмилу он любил.
И, наконец, за стол все сели,
А стол от яств уже ломился,
Запах шашлыков носился,
И с аппетитом они ели.
Ведь водочку попивали,
Одним словом, пировали.

XIII

И песни пели ярkokрыло,
Которые лились душой,
И было весело и мило,
И радость там текла рекой.
Напевшись, в разговор вступили,
О многом званном говорили.
Про то, и Киев как живёт,
Какие новости куёт.
И куда путь он свой верстает:
То ль на Запад он шагает,
То ль с Россией путь сближает,
И кто деньгами помогает.
Колю про Донбасс спросили,
О нём много говорили.

XIV

– Вот ты скажи-ка откровенно,
Нам, Николай, раскрой секрет,
Шахтёры пьют, совсем безмерно?
Что и не видят белый свет?
– Ну что, сосед, ты позволяешь?
И так огульно рассуждаешь?..
В Донбассе доблестный народ,
И он страну ведёт вперёд.
Ведь промышленный наш дивный край,
Он прибыль мощную даёт,
Да Киеву её несёт,
Потому напрасно не ругай.
И шахтёры дружно там живут,
А пьют не больше, чем и тут.

XV

– Ты что, Коляня, рассердился?..
Да это так я пошутил,
Видать, от водки так взбодрился,
Чуток, знать, лишнего хватил...
– Да нет, сосед, сказал ты правду,
И ты не лей, братик, браваду,
Ведь шахтёры, как бараны,
Сеют часто ведь обманы.
Совсем недаром Юля хочет
Донбасс проволокой обвить,
Чтоб вы смогли, как в хлеву жить,
И Львов об этом наш хлопочет.
Об этом наш завод гудит,
И в злобе это говорит.

XVI

– Ты что, брат Миша, успокойся,
Народ донбасский не брани,
Иди, братишка, ты умойся,
И чушь нести всё ж прекрати.
Народ в Донбассе одарённый,
И своей сутью он смышленный.
А ты его вот так гнетёшь,
И злобности полёт даёшь,
Что готов нас в тюрьмы посадить,
А мы же пашем как волю,
Верю в страну полны,
А вы собираетесь нас бить.
Но можно ли так поступать?
Делами ж надо измерять.

XVII

– Да о чём ты, Коля, говоришь,
Люд донбасский защищая?
Уж донбасской гнилью весь смердишь,
Бреднями его страдая.
Ведь Донбасс свободы запросил,
И путь автономии стал мил.
Всё призывы собирает,
Свои просьбы умножает.
Видал, что паскуда захотел?
Своей свободою дышать,
А нас задумал он бросать.
Как это же ваш Донбасс посмел?
Мы ж вас кормили и поили,
Хлебушек для вас растили.

XVIII

–Ты ж инженер, что же ты несёшь?
Ты же, Михаил, братец мой,
Да бесстыдно, злобно мне ты врёшь,
Что мир мне беден стал с тобой.
Ведь мы же институт кончали,
Мозги наукой начинали,
И смогли сущность мы понять,
Да разъясненья людям дать.
Тебя, брат, словно подменили,
Ну что ж ты злобный стал такой?
Мой милый, Мишенька родной,
И чем тебя так обкурили,
Что ты готов меня убить
И злобою Донбасс обвить?

XIX

– А ты что, рьяно защищаешь?..
Донбасс тебе словно родной.
Ты, братик Коля, ведь не знаешь,
Что мыслит он своей душой.
Ведь в нём лишь мусор процветает,
А украинцев там не славят.
И язык русский там ввели,
А украинский – извели.
К чему же нам Донбасс такой?..
Весь с пожеланием своим,
Таким для нас он стал чужим,
Но его лечим мы виной...
А ты ж туда всё глотку рвёшь,
Смотри – то сердце надорвёшь.

XX

– Ой, Миша, Миша, успокойся,
Ты же подумай головой,
И за меня, мой брат, не бойся,
Но опечален я тобой.
Хочу к тебе всё ж достучаться,
Да правдой крепкою обняться,
Чтоб понял сердцем, наконец,
Что греет общий нас венец.
Россия – Мать земли донбасской,
Исконно русский жил в нём дух,
И русский разносился слух,
И согревал разбег славянский.
Так пусть по-русски говорят,
Ведь за язык, брат, не гнобят.

XXI

– Но хватит вам уже ругаться,
Ишь, как бараны разошлись,
Всё ж лучше стоит вам обняться,
Чтоб судьбы дружбою срослись.
И ты поедь, Мишатка, к брату,
И повези с собою свата.
То он Донбасс ведь не видал,
Меня туда весною звал.
Да не могу туда поехать,
Ещё мне отпуск не дают,
А за прогулы рублём бьют,
Но из Москвы хочу заехать.
Донбасс же мой родимый край,
Его ты, Миша, не ругай.

XXII

Донбасс я сердцем полюбила,
Вся юность в нём моя прошла,
И там я замуж выходила,
И в нём я муженька нашла.
И в нём меня не обижали,
А лаской сердца согревали.
В нём, как цветочек, я цвела,
Счастливая я там была.
И, бывало, ярко наряжусь,
Так что, как звезда, сияла,
Я цвет роскошный обожала,
И мигом на танцы смело мчусь.
Там и Рому повстречала,
С ним судьбу свою связала.

XXIII

В Донбассе мы три года жили,
Там Рома цех же возглавлял,
Завод мы Ленина любили,
В первых рядах Рома стоял.
Трудился Ромочка отменно,
Служил заводу честно, верно,
И на доске почёта был,
К работе душенькой не стыл.
А я учительствовала там,
Язык русский я читала,
Украинский излагала
Своим луганским ученикам.
Затем уехали во Львов,
С отцом наш путь и был таков.

XXIV

А вы грызётесь, как собаки,
Ты, Михаил, всё зря кричишь,
Чуток вон не дошли до драки,
А ты, мой муж, чего молчишь?
– Да что сказать, моя Татьяна,
Была моим ты сердцем звана.
Я и сейчас тебя люблю
И никому не уступлю.
С тобой легко в Донбассе было,
И не уехали б сюда,
Коль бы не мамина беда,
О ней сердечко моё ныло.
Старенькой она же стала,
Биться сердце перестало.

XXV

То б и сейчас с тобой там жили,
Да вот пришлось тропку менять,
С тобой мы долю там сложили,
Я не могу Донбасс ругать.
Пускай живёт народ как хочет,
И за судьбу свою хлопочет,
Ведь он хозяин той земли,
Там для него пути взошли.
А власть не трогает пусть их.
Люд там уголь добывает,
Им страну всю насыщает.
И ждёт от власти он путей благих.
А вы вон крики развели,
Спать, сыновья, теперь пошли.

XXVI

И сыновья угомонились
Да по кроватям разошлись,
Но боль в сердечке поселилась,
И мысли грустные лились,
Что Коле не спалось от боли,
Брат в душеньку насыпал соли.
Что вдруг дурно поменялся,
Злобным духом напился.
И так Донбасс он ненавидит.
«Да как же это получилось?
Почему так жизнь сложилась?
Мой брат в добре Донбасс не видит.
И в нём развяжется война?
Но не допустит же страна...»

XXVII

И с такой думой он уснул.
Утром раненько проснулся,
Настроенье доброе вернул,
Потом быстренько обулся.
И стал прощаться с милой мамой,
Ещё красивой лицом дамой.
В уста её поцеловал,
А на прощание сказал:
–Мамуля, милый мой цветочек,
Люблю тебя я всей душой,
Мне сладко, мама, быть с тобой,
Но мчится твой в Луганск сыночек.
Там работа ожидает,
Да и Верочка встречает.

XXVIII

Но а встречать Вера не пришла,
Не получала ведь звонка.
Да, похоже, что его ждала,
На зов не поднялась рука.
И в грусти потому ходила,
Она ведь взор Коли ловила.
И он на дружбу намекал.
Но чётко встреч не назначал.
И потому Вера решила
Ему самой всё ж позвонить
Да в кино Колю пригласить,
И себя в этом победила.
И вот они идут в кино,
А что же в нём для них дано?

XXIX

Конечно же, там славно было,
Картина шла ведь про любовь,
Сердца плескались в счастье мило,
Понятно было всё без слов.
Ведь рядышком они сидели,
С надеждой в душеньки глядели.
Им общаться не хотелось,
Ведь стеснение имелось.
Но а кино уж завершилось,
И они стали выходить,
Народ друг друга стал теснить,
У них – нормально всё сложилось.
И Веру Коля проводил,
Но в дом он к ней не заходил.

XXX

И Вера радостью сияла,
От встречи розою цвела,
Про встречу маме рассказала,
Которая её ждала.
– Ну где же ты, Веруся, ходишь?
Что, позвонить что ли не можешь?
Я вся душою извелась
И страхом в сердце изошлась.
– Мамулечка, не обижайся,
Прости, родимая моя,
Во мне поток любви огня.
– Давай, скорее раздевайся...
И по порядку говори,
Да ничего не утай.

XXXI

– А особо нечего сказать,
С Колей мы в кино ходили,
Потом шли друг друга навещать,
Но с ним мы встречу отменили.
Потом мы в парке с ним гуляли,
Похоже, даже, что устали.
Домой его я позвала,
Вот такие вот дела.
– А почему же Коля не зашёл?
– Да он стеснительный такой,
Хотя и с виду как герой,
Но счастливый, кажется, пошёл...
– Знать, он тогда ещё придёт,
К тебе дороженьку найдёт.

XXXII

– Да всё ж кто знает, как случится,
Ведь Ира рядышком живёт,
Возле него, как вьюн, кружится,
Боюсь, что Колю уведёт.
А я всем сердцем полюбила,
Хоть, кажется, и задружила,
Но боюсь, Ира отобьёт,
И к ней он, мамочка, уйдёт.
– То будь тогда ты посмелее,
Дочурочка, и ты не трусь.
Тобою, Вера, я горжусь,
Ведь ты на свете всех умнее.
– Ладно, мама, скажешь тоже,
Так хвалить меня негоже.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

А кем же Верочка трудилась?
Она работала врачом,
И в первый раз она влюбилась,
Хоть мир любви горел костром.
Раньше её не замечала,
Быть знающим врачом мечтала.
На «отлично» всё училась
И в учёбе не ленилась.
Очень нравилось хирургом быть,
Организм наш изучая,
Да от ран людей спасая,
И при этом всех больных любить.
И ведь это получалось,
Как мечтала – всё слагалось.

II

А Ира любила торговать,
Всё красиво одевалась,
И стремилась моды все узнать,
Быть моделью собиралась.
Умом Ирина не блистала,
А в развлечения впадала.
В ресторанах подпевала,
Жениха себе искала.
Туда с друзьями Коля приходил,
Но не жаждал напиваться,
Не стремился развлекаться,
Лишь время просто проводил.
Ира ж глазки навострила,
Часто к Коле подходила.

III

Вот и сейчас к нему подседа,
Сигару с ловкостью взяла,
Манерничать она умела,
Вниманьем Колю обвила.
– Ну что, Николочка, скучаешь?
Меня ж к себе не приглашаешь...
Давай, тебя я развлеку,
Для тебя песенку спою.
Какую любишь? Подскажи.
Обожаешь типа вальса?
Может, ждёт душа романса?
Ты о чём мечтаешь? Расскажи.
– Ира, здесь и так приятно,
Я люблю, когда всё штатно.

IV

–Ой, воспламенись, мамулин сын,
И дай душе своей простор,
Строгий ты судья, но господин,
Так согрей счастьем милый взор.
Да так, чтоб люстры танцевали
И бодростью тебя зывали.
– Да танцевать я не могу,
Я лучше так вот посижу.
– А тогда давай на брудершафт,
Так, чтоб искры засияли,
Мои глазоньки обняли,
Я на это, Коленька, горазд.
–Ты что, Ира, позволяешь
И к распутству призываешь?

V

– А в чём распутство, Коля, здесь,
Коль так кровушка играет?
Да ты румянцем вон вспыхнул весь,
Тебя ж это не спасает.
– Но не дури, Ирина, больше,
Иди на сцену, пой подольше.
– Да нет, Коляна, не пойду.
Я всё ж себя в тебе найду.
И, как сапожник, пускай напьюсь,
Коньячок я уважаю,
Хоть и от него страдаю,
Но а сегодня на всё решусь.
И всё пила она до дна,
Что чересчур была пьяна.

VI

Что Николаю пришлось вскоре
Всё ж отвести её домой,
Тут встретил Веру в коридоре
И растерялся вмиг душой.
Оправдываться стал он вяло,
Так, словно сил его не стало.
Вера тоже растерялась,
Недоверием слагалась.
Но Колю всё ж она спросила:
– Так, где ты время проводил?
Ты в ресторан с Ирой ходил?
Она туда тебя водила?
А ты её не приглашал?
Случайно, зная, туда попал?

VII

– Да. Ирина там уже была,
И там песни она пела,
А ко мне потом лишь подошла,
Да напиться так сумела.
И потому я провожаю,
От глупостей её спасаю,
Ведь не бросать её такой,
Безумно пьяной, чуть живой.
– Да не оправдывайся, Коля,
Ведь ложь тебе же не к лицу,
Она присуща подлецу,
Но а на всё – твоя же воля.
И Вера быстренько ушла,
Да боль в сердечке понесла.

VIII

И взор её погас гореньем,
Домой пришла, выпив стакан
Горилки, давящим мученьем,
Чтоб боли снять от тяжких ран,
Которые в сердечке стали,
Её неверием вzywали.
Да и любовью дорогой,
Нашедшую её судьбой.
И до утра она рыдала,
Винив судьбину за печаль,
Ей стало очень себя жаль,
И лишь к утру слегка боль пала.
Чуток в забвении была,
Но с грустью на работу шла.

IX

А денёк сложностью разыгрался,
Больного утром привезли,
Он в операции нуждался,
В желудке раны пролегли.
И оказался он знакомым,
Сосед Ванюша, сердцем добрым.
От боли очень он страдал,
Порой в беспамятство впадал.
И, собрав силы воедино,
Вера к больному подошла,
Уверенность в себе нашла
И оперировала дивно.
Больной в спокойствии лежал,
Дней через семь уже вставал.

Х

Он к Вере в кабинет пробрался,
Горел признанием, душой,
И врачу мило улыбался,
Воздав букет ей дорогой.
– Спасибо, Верочка, от сердца,
Что ты мне в жизнь открыла дверцы.
Ты – дивный гений и талант,
Я нашей встрече очень рад.
Я в Астрахани пять лет служил,
В отпуск вот домой явился,
Очень, Вера, изумился
От дара, что Бог тебе вручил.
Ещё ты стала красивой,
Трудолюбивей и милей.

XI

– Ой, захвалил меня ты, Ваня,
И даже в гении возвёл.
А как живёт подруга Маня?
Надеюсь, Дину в ЗАГС ты свёл?
– Нет, Верочка, Дина сбежала,
Другому счастье даровала,
Но они вскоре разошлись,
Характерами не сошлись.
И я её давно не видел,
В Москву служить я уезжал,
С тех пор её я не встречал.
– Но чем-то ты её обидел?
Мне кажется, Дину любил,
Так чем её ты огорчил?..

ХII

–Да нет. Она мне изменила,
С полковником стала гулять.
Мне говорила, что любила,
И я не стал ей в том мешать.
Но не хочу о ней я больше,
Чтоб не было на сердце горше.
Мне речь пространную вести,
Чтоб в глубь проблемы завести.
Сегодня я ж словно родился,
Ты, Верочка, спасла меня,
Вдохнув желанного огня,
И в жизнь ведь снова я влюбился.
Пойдём в театр с тобой ходим,
В парке иль давай побродим.

ХІІІ

– Нет. Гулять тебе ещё нельзя,
Раны пусть позарастают,
К тебе, кажется, идут друзья,
У двери вон поджидают.

– Я тогда к ним, Верочка иду,
Можно снова завтра я приду?

– Ступай. Режим не нарушай,
Но если что, то вызывай.

И Ванюша в счастье побежал,
Он завёл друзей в палату,
Вечер шёл уже к закату,
Потому их Ваня не держал.

А сам прилёг же на кровать,
Да Ване не хотелось спать.

XIV

В душе ведь радость клокотала,
Сердечко рва́лось на простор,
И душа солнечно вzywала
Согреть отрадой зова взор.
Весна ведь крылья распустила
И вся в цветеньях запарила.
Дивно стала разноситься,
Как же было не влюбиться?
И вмиг Ванюша размечтался
С летящей думой огневой,
Сердечку сладкой и родной,
И в плен любви легко он сдался,
Где сладко, трепетно вздыхал,
Вновь встречу с Верочкою ждал.

XV

А Верочка домой шла тихо
И наслаждалась весной,
Где скворушек взвивался лихо,
Любуясь неба красотой.
Ему вслед Вера посмотрела,
Да на скамейку с грустью села.
Рядом детвора гуляла,
Игра взор их согревала.
И Вера ими любовалась,
Да к ней мальчонка подбежал,
Нежданно руку ей пожал,
Хоть душенькой своей стесняясь:
– Я знаю, помню, Вера, вас,
Скажите мне, который час?

XVI

– К восьми уж стрелочка бежит,
А тебя мама, верно, ждёт?
Ведь солнышко уж спать спешит.
– Да нет, здесь мама не живёт.
Она в Москве теперь поёт
И нам денежки оттуда шлёт.
Мы с ней к вам ведь приходили,
На приёме у вас были.
Вы маме ноженьку лечили,
Она не плакала совсем,
Хромала только лишь затем,
Когда от вас мы уходили.
Сейчас уж ножка не болит,
Здоровью даже не вредит.

XVII

– А скажи мне, с кем же ты живёшь?

– С бабушкой и ещё с сестрой.

– А к дому ты стёжечку найдёшь?

– Да я ведь, Вера, уж большой.

И я знаю, где ваш дом стоит,

Он сюда к нам окнами глядит.

И вас могу я проводить,

Но в дом не стану заходить,

То бабушка стеною встанет,

Меня не будет отпускать

И ведь не разрешит гулять,

Мне тяжкий час тогда настанет.

–Нет. Сама я пошагаю,

И тебе того ж желаю.

XVIII

– Да нет. Ещё чуть посидим,
Вы домой ведь не спешите?
На закат немного поглядим,
Иль вы, Вера, не хотите?
– Ладно. Тебя как же называть?
Как тебя мне всё же величать?
– Да я Петя. Я – мамин сын,
И ею очень я любим.
А она всё не приезжает,
И к себе всё мама не зовёт,
И даже в гости не берёт,
Но маму сердце ведь взывает...
Может, вы ей позвоните?
На приём к себе верните.

XIX

– Но тогда, Петрушенька, садись,
С мамулей будем говорить,
Во всей красе пред ней явись,
Должен стойким, Петенька, ты быть.
И номера в Москве набрали,
Да только им не отвечали.
– Ты, Петя, не переживай.
На, вот конфеты получай.
– Вера, не за этим к вам я шёл,
Но спасибочко большое,
У вас сердце золотое,
До свиданья, я домой пошёл.
– Давай, Петрушенька, иди,
Ко мне, коль хочешь, приходи...

XX

А Вера горестно вздохнула,
Подумала: «Куда ж идём,
Печаль в дома наши задула,
Да горе мы в дома несём.
И вон детишки как страдают,
И власти же про это знают,
Но всё ж спасенье не дают,
А сами в роскоши живут.
Простой народ им словно мошки,
Теснят их, травят пустотой,
Как будто бы страны чужой,
И рушат в счастье им дорожки.
Рабочих мест не создают,
А смерти путь лишь им куют».

XXI

От боли сердце зарыдало,
Печаль прошила грудь насквозь,
Но Вера мыслить продолжала,
Сказав: «К чему живём мы врозь?
И от России отказались,
В Евросоюз бегом помчались.
А туда примет Запад нас?
Обещанный нам даст ли час?
Вон на Майдан уж зазывают,
Желая рушить правды путь,
Стремясь огнём его раздуть,
Но ложью сладкой покрывают.
Ужель же горше час придёт?
И страну к бою приведёт?..»

XXII

И уж стемнело. Вера встала,
Домой печальная пришла,
А дома маму повстречала,
Она спросила: - Где была?
Что грусть лицо твоё покрывала?
Болячка что ли прихватила?
Или работа извела?
Скажи-ка, как твои дела?
Вон на улице весна цветёт,
Красота кругом взирает,
Что аж сердце замирает,
И от радости душа поёт.
А ты словно всё не видишь,
Что ты в жизни этой ищешь?

XXIII

– Ищу счастливой, мама, доли,
Не только грела чтоб весна,
Но и народной хочу воли,
Да нас покинула она.
Если б видела ты взор Петра,
Когда с ним игралась детвора.
Он бросил их, ко мне пришёл,
О маме разговор завёл.
Стал мальчонка меня просить,
Хоть и очень он стеснялся,
Голосок его срывался,
Чтоб в Москву мамуле позвонить.
В его глазах тоска была,
Что Петю болью извела.

XXIV

– А ты хотя ей позвонила?
И в Москве номер набралá?
Да им сердца соединила?
Им вдоволь говорить дала?
– Да нет. Там мать не отвечала,
Видать, звонка не ожидала,
Ведь там работает она,
Содержит всю семью одна.
У неё дочурка инвалид,
Эпилепсией страдает,
Её болезнь допекает,
И частенько голова болит.
Её ж мать внуков стережёт,
Елена ведь в Москве живёт.

XXV

– Ну, зачем ей было уезжать,
Детей бросив и квартиру?
Ведь детям приходится страдать,
И так бедствовать по миру.
– Деньги Лена хочет подсобрать,
Чтоб за операцию отдать.
Край, как дочке надо сделать,
Да и местá скорей разведать.
Во Франции или в Брюсселе,
Где бы делать захотели,
Цену снизить бы сумели,
На этой скажут ей неделе.
Вот оттого в Москве живёт,
Да и копейку бережёт.

XXVI

– Да, Веруся, тяжкие дела,
Судьба худо разбросала,
А, может, ты ей тоже б помогла?
И денег потосбирала?
– Я ей уж, мама, пособила,
Валюты тысячу вручила.
Лена сокурсницей была,
Из института всё ж ушла.
За учёбу не смогла платить,
Мать её одна осталась,
С муженьком она рассталась,
Что от горя шла свой путь губить.
Да, слава Богу, пресекли
И Лёну всё-таки спасли.

XXVII

– Да... Мы дожил^усь в своей стране,
Что нет здесь у нас работы,
А по чьей, дочь, это же вине?
Не растит страна заботу.
Ведь власть мы бойко выбирали,
И ей доверие мы дали,
Где власть клятвенно сказала,
На Библии обещала,
Что даст народу изобилье,
И станет бедным помогать,
Инфраструктуру развивать,
Она же кажет лишь бессилье.
И народ к голоду ведёт,
Нас так и к бездне приведёт...

XXVIII

– Мамуля, не огорчайся так,
Вырвем мы у скорби доли,
Ведь наши мненья – не пустяк,
Сумеет выйти из неволи.
В Союз таможенный мы вступим,
Да и с Россией вместе будем.
Так не печалься, милый друг,
Ведь мы расширим счастья круг.
Лишь бы Запад злобно не мешал,
Не чинил бы забастовки,
Не вручал свои сноровки,
Да и прокламации не стлал.
И Украина устоит,
И народ горе победит.

XXIX

–Так хорошо бы, дочка, было,
Да вон львовяне не хотят,
У них любовь словно застыла,
Они все драться норовят.
Да и Тернополь к ним же клонит,
В Евросоюз народ неволят.
На Донбасс они косятся,
Как бы ни пришли к нам драться.
То Яценюк вон разорался,
Зовёт Майдан он учинить,
Чтобы Донбасс наш приручить,
И это сделать он поклялся.
Но Донбасс не отступает,
Власть менять он не желает.

XXX

– Ой, мамочка... Ну их... Прекращай...

От них, милая, устала.

Лучше уже спатеньки давай,

То я утром рано встала.

Завтра ж день тяжёлый меня ждёт,

В операционную ведёт.

И операций целых пять,

Всем людям помощь надо дать.

– А ты, дочка, умница у нас,

Твои ручки золотые,

Хоть совсем и молодые,

Да нас спасают в тяжкий час.

– Спасибо, мамочка моя,

Ведь я же доченька твоя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

И Вера утром рано встала
Да душ усердно приняла,
На кухню мать её возвала
И там покушать ей дала.
А за окном так чудно было,
Где облако по небу плыло,
Как лебедь в яркой красоте,
Взмываясь, вторя высоте.
К ней и черёмуха стремилась
Всею пышнокудрой головой,
С подругой яблонькой родной,
Что в танце с дубом закружилась.
Было так кругом возванно,
Величаво и отраднo.

II

В том счастье Вера трепетала,
Ей было сладко и тепло,
Душа её весну воззвала,
И в сердце стало вдруг светло,
Что день в работе прошёл бойко,
Усталость Вера снесла стойко.
Тут и Ванечка явился
И от счастья весь светился.
– Верочка, позволь мне проводить,
С тобою в парке погулять,
Да чуток волю сердцу дать,
Чтобы себя мукой не гнобить.
Я очень, очень тебя ждал,
Что к Богу даже слог взывал.

III

– Но коль просишь так меня – пойдём,
Только погоди ещё минутку,
На скамейке мы приют найдём,
Лишь отдам Надежде куртку.
Не успела Вера отойти,
Чтоб Надежде куртку вознести,
Как к ней резко подскочили,
К умирающей просили.
И Вера быстро побежала,
К больной немедленно вошла,
Дела неважные нашла,
Операцию делать стала.
Пять часов её вершила,
Но несчастье победила.

IV

И чуть живой домой собралась,
Но сердцем счастлива была,
Вдруг медсестрою вновь воззвалась,
То Наденька к ней подошла.
Верочке она сообщила,
Всё на ушко говорила,
Что её друг бывалый ждёт,
А своё имя не даёт.
И, одевшись, Вера вмиг пошла,
Где Колю встретила здесь вдруг,
Народу не было вокруг,
Удивленье лишь в себе нашла.
– Ты почему меня позвал?
Ты мест других не повстречал?

V

– Ой, Верочка! Ты прости меня,
Что так плохо получилось,
Но с Ириной не моя вина,
И всё глупо так сложилось.
А я ж здесь, Вера, по другому,
Но по вопросу я родному.
Моей маме жизнь вы дали,
Вновь на белый свет воззвали.
Операцию ты ж вела,
Спасибо, Верочка, тебе,
Молиться буду я везде,
Что мамулечку мою спасла.
– Да это мой священный долг,
Чтоб врач на помощь прийти смог.

VI

– Нет. Мне сказали, ты светило,
По частям маму собралá,
Дорогу жизни ей открыла,
В науку новшество ввела.
И если бы не ты – сказали,
Что срочно вдруг тебя позвали,
Моей бы маме был конец,
Смертельный бы взывал венец.
А так мамулечка живая,
Она же в гости прибылá,
Для меня времечко нашла,
Мамуля милая, родная.
Да машина её сбила,
Чем несчастье вручила.

VII

– Да всё ж, слава Богу, обошлось,
И рада я, что помогла,
Что лекарство нужное нашлось,
И домой чудом не ушла.
Она почти ведь не дышала,
И в кому тяжкую уж впала,
Но, знать, судьбой ей суждено,
И жить ещё средь нас дано.
А ты как трудишься? Как живёшь?
В партию не собираешь?
Судей чем ты увлекаешь?
И ты стёжечку какую вьёшь?
– Верусенька, я же с тобой,
Где путь Донбасса нам родной.

VIII

– Ты же из Львова... И вдруг свернёшь,
В нём вон бредни огневые,
Может, к ним дороженьку найдёшь?
Там места ж твои бывлые.

– Ну что же ты, Верочка! Поверь!..
Ведь я же совсем душой не зверь,
Чтобы на людей бросаться
Да над ними издеваться.

Я Донбасс всем сердцем полюбил,
Прекрасный здесь живёт народ,
И он стремится всё вперёд,
И дорог львовян он не губил.

И этот край я не предаю,
А за него и жизнь отдам.

IX

– Видал, как бойко ты глаголешь,
Да ты, Коляня, прям герой,
А ты себя всё ж не неволишь?
Быть может то, что я с тобой?
Так браво, говоришь ветвисто,
Что даже слог звенит искристо.
И верой я к тебе вошла,
Надежду в сердце обрела.
И мне стало радостно в груди,
Путь стелиться стал воззванно,
Как-то стало всё желанно,
Что путь веры вижу впереди.
А то грусть так охватила,
Что надежду в плен схватила.

Х

– Верунчик, роскошная душа,
Счастья ждёшь ты для народа,
Собою ты, как роза, хороша,
И в тебе жаждется свобода.
Для тебя несчастья покошу,
Ты прости за прошлое, прошу,
Хоть в том совсем не виноват,
Случился что такой отпад.
Ира напилась, как без мозгов,
И приставала, как могла,
Но моё сердце не взяла.
Я ж тебя люблю, твой плен оков...
Пойдём, домой я провожу,
То вон двенадцать, я ж гляжу.

XI

– Пойдём, то мама ругать будет,
Она ведь строгая у нас,
И пожуришь ведь не забудет,
Когда вины прибудет час.
– Ты разреши с тобой подняться,
И с твоей мамой повстречаться,
Да ей спасибочко сказать
И ручку ей поцеловать,
Что дочь такую воспитала
С прераспрекрасною душой
И с дивной яркой красотой,
Что гением она ведь стала.
Меня только вот обходит,
Во мне друга не находит.

ХП

– Ой, не хвали, а то захвалишь,
И не такой я окажусь,
А ты свою мечту обманешь,
Когда я душенькой сорвусь.
–Ты никогда мечту не срубишь,
А без тебя меня загубишь.
Твой свет очей мне сердцу мил,
С тобой бы я весь век парил.
Ты есть заря всей жизни званной,
Ты есть величие звезды,
И путь нехоженой версты,
И мука в жизни окаянной.
Мне окно открой ты в сердце,
Распахни любовью дверцы.

ХШ

– До свиданья. Вверх пойду одна,
Меня в смущение ты ввёл,
Вон стоит мамуля у окна,
Накрыла мне она ведь стол.
А я с тобою прохлаждаюсь
Да в разговорах всё купаюсь.
Тебе не верю я ничуть,
В глаза твои хочу взглянуть.
Хоть зарёй которые горят,
Но способны и лукавить,
Могут ложь ведь всё же славить,
И порой обидеть норовят.
Ведь ты ж меня уже подвёл,
Мою любовь на ноль ты свёл.

XIV

И Вера быстро вверх помчалась,
Ни слова больше не сказав,
И с Колей грубо так рассталась,
Брешь глубже в дружбе их воздав.
Ей дома двери мать открыла
И для порядка побранила.
Но Вера молча спать пошла
И разговор с ней не вела.
Под утро только лишь заснула,
Томясь, что грубо обошлась,
И в горе сердца сорвалась,
Что Колю зло так оттолкнула.
Не знала, как себя простить
И можно ль маме говорить.

XV

Уж полдень... Вера всё лежала,
Мать не тревожила её,
Что воскресенье, она знала
И была рада за неё.
– Пусть отдохнёт хоть в воскресенье,
А то живёт в таком томленьи.
И что-то грустная пришла,
Поест что даже не смогла.
Проснётся, её я спрошу
Почему зашла унылой,
И был взор её постылый –
То сказать всю правду попрошу,
Чтоб душеньку не жгла печаль,
Родимую мне очень жаль.

XVI

А только Верочка не спáла,
Но не желала всё вставать,
Не то, чтоб от забот устала,
От мук хотелось ей рыдать.
– Зачем я Коле нагрубила
И чушь ему наговорила?
Неужто ревность верх берёт,
Что аж меня на части рвёт?
Но такой же как я стану жить?
В судьбе всякое бывает,
Стёжка разная встречает,
И те встречи надобно рубить?
Но с ней он в ресторане был,
Да и домой ведь проводил...

XVII

И с думой разной Вера встала,
Тихонько к маме подошла,
С виной её поцеловала,
В ней утешение нашла.
– Моя родная, отдохнула?
Ведь поздно ты вчера уснула.
Что, день тяжёлый вчера был?
И настроение сгубил?
Что говорить со мной не стала,
Душа твоя что ли болит?
Что тебя, деточка, теснит?
Вон, как цветочек, ты повяла...
Ты мне, Веруся, расскажи,
А боль в сердечке не держи.

XVIII

– День, мама, был вчера удачный,
Я операции вела,
Но и пришёл момент несчастный,
Что чудом женщину спасла.
То мама Коли оказалась,
А жизнь на волоске держалась.
Ведь она уж не дышала,
Словно труп Таня лежала.
Да я рискнула и вплеснула
Лекарства в раненый сосуд,
И сердце же забилося тут,
Что к жизни счастье распахнула.
А все ведь думали – конец,
Смертельный ждали уж венец.

XIX

– А что ж тогда, дочь, загрустила?

И недовольная пришла,
Кого ты словно схоронила
Иль всё богатство пропила.

– Ой, мама, скажешь же такое,
Что аж задела за живое.

Ко мне Никола подходил,
Меня за мать благодарил.
Да всё в любви мне признавался,
Такие нежности дарил,
А сам, похоже, изменил,
За это сердцем извинялся.
Домой он Иру проводил,
Он с нею в ресторане был.

XX

– Ой, какая грянула беда,
С Ириной в ресторан сходил...
Да, Веруся, это ерунда,
Хотя и на руках носил.
Ты сказала, вдрызг же напилась
И в любви к Николе всё клял^ась.
У пьяного же мозг как тень,
В безумстве, Вера, нет измен.
Жизнь дарит разные сюрпризы,
Урок и Коле он вручил,
Где Коля мудро поступил,
А в остальном твои капризы.
Ведь жизнь – не поле перейти,
Ты, дочка, Колюшку прости.

XXI

– Ты считаешь, я что, не права?

Он её ж тащил в квартиру!

А ты хочешь, чтобы шла молва

Про меня по всему миру?

– Ой, Веруся, хватит, прекрати,

Лучше его мать ты навести,

А то пустое говоришь

И думой глупую смердишь.

– Ого, мама, вот так ты даёшь!

Ты меня не понимаешь,

Моих дум не разделяешь,

А я ж думала, меня поймёшь...

– Ты, дочь, сама уж поняла,

Что совершенно не права.

XXII

Минутку Вера помолчала,
Затем вопрос всё ж задала:
– Вот ты, мамуля, мне сказала,
На попятную чтоб я шла.
А ты вот как бы поступила,
Такое коль бы жизнь вручила?
Ты бы простила или нет?
Какой вручила бы ответ?
И как папуля с тобой жил?
Шёл с другой он в рестораны?
И совершал к тебе обманы?
Да об этом всё он не тужил?
И ему ты всё прощала?
А развод не обещала?

XXIII

– Нет, дочка, Стёпу я любила,
И к нему льнула с огоньком,
Его я чувствами поила,
И он заботился о том.
И всё старался он вниманьем
С сердечным, радостным стараньем
Мне путь счастьем охватить,
И нежность в доле подарить.
Ему верила всегда во всём,
А жизнь веру проверяла,
Да и правду выдавала,
Я не жалела ни о чём.
Сплетням я не доверяла
И уверенная стала.

XXIV

– А сколько с папой вы прожили?

– Неполных, Вера, восемь лет,

До свадьбы года два дружили,

А без него померк мне свет.

Таких, как Стёпа, не встречала,

Да и, признаться, не искала.

А замуж звали и не раз,

Но следовал всегда отказ.

Стёпочку я не могу забыть,

Таких Господь даёт лишь раз,

Такой вот, доченька, мой сказ,

Но и счастье ведь таких любить.

Похоже, Коля твой такой,

Что может быть навек родной.

XXV

– Не знаю, ма. Может, ты права,
Чересчур я здесьхватила,
Всему этому виной молва,
Верно, Колю я простила.
А сейчас в больницу я схожу
И там маму Коли навещу.
Её Таней называют,
Ивановной величают.
Но я долго там не буду,
А если что, то позвоню
И обо всём я доложу,
Тебе сказать я не забуду.
– Ну, иди, иди, шутница,
Дел и сказок мастерица.

XXVI

И Вера с радостной душою,
С негой к мамочке прильнула,
И назвала её родною,
Да поцеловать смекнула.
И вот она уже в больнице,
Где Вере принесли водицы,
Её немного попила,
А остальное отдала.
Халатик беленький одела,
Сияя яркой красотой,
Поспешила идти к больной,
Но вдруг на стульчик снова села.
Да папку белую взяла,
Потом в палату лишь пошла.

XXVII

И там увидела Татьяну,
Она вся бледная была,
И Верочка позвала Аню,
Чтобы лекарства принесла.
И Таню с нежностью спросила,
Подушку круче положила.
– Но как, воскресшая, дела?
И как ты ноченьку спала?
– Да, слава Богу, уже дышу,
К жизни вы ж меня призвали
И жить долго обязали,
Теперь к спасению путь ищу.
Вот уж руки поднимаю,
Жить вам, доктор, обещаю.

XXVIII

– Ой, больная, ты же молодец,
Коль так шутки рассыпаешь,
И счастливый ждёт тебя венец,
Ведь печали разгоняешь.
Но скажи правду, где ж давит грудь?
Можешь ты свободно лидохнуть?
– В спине немного отдаёт,
Но уж как ночью не печёт.
Спасибо, что вот починили,
О вас мне Коля говорил,
И очень, очень вас хвалил,
Вы раньше с ним, кажись, дружили?
– Да, давно я Колю знаю,
Но пути не развиваю.

XXIX

– Простите! Глупость я сказала,
Не поразмыслив головой,
Ведь и самой вот стыдно стало,
Что задаю вопрос чужой.

– Да ничего. Я тоже знаю,
К вам в мыслях в гости проникаю.
Знаю, с кем вы все живёте,
Как семью свою блюдёте...

– Вас, скажите, как мне называть?
А то как-то я теряюсь
И в подсказке я нуждаюсь.

– Просто Верой можете звать.
И на «ты» стёжку ко мне стлать,
Могла чтоб младо процветать.

XXX

– Спасибо, Вера, дорогая,
Что себя просто ты ведёшь,
Ты стала сердцу вдруг родная,
И верю я, меня спасёшь.
Ты всех больных я вижу, любишь,
Их, как птенцов своих, голубишь.
И они душѹ не чѹют,
Все тебя больные славят.
Сейчас вот только поняла,
Для больных что значит ласка,
Где живѹт любовь, не маска,
Которая жить их воззвала.
Великий дар Господь послал,
Тебя им, Вера, обласкал.

XXXI

– И я же очень сердцем рада,
Что тебя, Танечка, спасла,
В душе рассыпалась отрада,
Да и надеждой расцвела.
Прости, на «ты» что обращаюсь,
А вот на «вы» я не слагаюсь.
Ведь был учитель у меня,
Больным он не жалел огня.
«Вы, – говорил, – слово чужое,
Бог на «вы» не обращался,
Он любовью расстилался,
В том – народ чувствует родное».
Потому так и назвала,
Чтоб тебе полегче стало.

XXXII

– Ой, Верочка, как же ты мила!
Душеньку свою раскрыла,
В тебе мудрость добротой возшла,
Тебя я сразу полюбила.
Ведь завучем в школе я тружусь,
Этой я профессией горжусь.
Рада, коль ученик горит,
И знанием всюду звенит.
Жаль, что ты моею не была
Ученицей золотою,
С такою милою душою,
То, верно, б ты орден сорвалá.
Но будешь много их иметь,
И твоё сердце будет петь.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

I

Веруся вышла из палаты,
На сердце сладко и тепло,
На думу ей пришли закаты,
Когда поехали в село.
С Коляней, к речке синеокой,
Где дуб ветвился одинокий.
И он их словно сердцем ждал,
Что листвой с негою обнял.
И там костёр они раздули,
Погода тихая взошла,
И то же нежность им несла,
Что вмиг в любви они уснули.
Когда ж проснулись, ночь была,
Но счастье и она дала.

II

И костёрчик снова развели,
Кое-что ещё поели,
Потом картошки напекли,
Искупаться захотели.
И в речку с трепетом нырнули,
Друг к другу с радостью прильнули.
Целоваться стали робко
И совсем уж не торопко.
Потом поплыли далеко,
Гладь руками раздвигая
И друг друга догоняя,
Было им отратно и легко.
Лишь на утро на рассвете
Города попали в сети.

III

И в память много встреч входило,
А в ней Ирина всё ж была,
Всё ж Веру ревность изводила,
Понять себя всё не смогла.
Но вдруг сказала: «Что за слабость?
В себе посеяла я гадость.
И сердечком заболела,
И себя болью я изъела,
Что всё страдаю да и томлюсь.
В узду себя мне надо брать,
И надо Коле доверять,
То душою в омут я сорвусь.
Верю, Колян не виноват,
Любовь не дарит мне закат».

IV

От этой мысли Вера бойко
Вновь в кабинетик свой зашла,
В сердечке не было уж горько,
Встреч с Колей ведь она ждала.
А тут и Коля на пороге,
К Верусе нашей недотроге
С букетом алых роз пришёл,
Её приветливой нашёл.
Он с радостью цветы вручил,
Она с улыбкою взяла
И даже ручку подала,
Что Коля и страх свой победил.
И Веру быстренько обнял,
Да и в уста поцеловал.

V

– Да что себе ты позволяешь?
Ведь это мой же кабинет!
А ты же вольность вон взываешь,
Ты ж не в лесу! Здесь белый свет!
– Прости, Веруся дорогая,
Но ты ж совсем мне не чужая.
Пойдём, Вера, погуляем,
Ландышей пособираем.
В лесочке ведь сейчас отменно,
Зелень крылья распустила,
Красоту кругом явила,
Что уж грибки пошли наверно.
На час, другой давай сбежим
И нашу ссору победим.

VI

– Ну, хорошо. Давай, поедем,
Но чтоб недолго там нам быть.
– А в магазин с тобой заедем?
Я кое-что хочу купить.
И они вмиг сели в машину,
Изгнали прочь вдвоём кручину.
Вот они уже в лесочке,
Где всё же не росли грибочки.
Да и они про них забыли,
А костёр быстро разожгли,
Где место ладное нашли
И в рюмки коньячку налили.
Обед чудный получился,
И здесь Коля изловчился.

VII

Он встал и к Вере обратился:
– Мне, Верочка, позволь сказать.
(Хотя сердечком и смутился,
Но речь свою сумел держать).
Верусенька, ты мой источник
И самый лучший мой цветочек.
Ты ангел есть моей души,
В тебе все взоры хороши.
Я тебя всем сердцем полюбил,
Ты сущность жизни есть моей,
На свете нет тебя милей,
Я хочу, чтоб Бог благословил.
И стала ты моей женой,
Моей единственной, родной.

VIII

– Ой, Николай, не ожидала
Я речь такую получить,
К тому себя я не воззвала,
Чтобы женою тебе быть.
Давай дадим на это время,
Чтоб не взрастить нам в жизни бремя.
Надо лучше приглядеться,
В радость жизни чтоб одеться.
Ведь мало мы с тобой дружили,
И тебя я плохо знаю,
Хоть не скрою – обожаю,
Но надо так, чтоб не тужили.
И любовь чтоб вечно грела
Ярко, страстно, а не тлела.

IX

– Верочка, не нужно нам тянуть,
С первой встречи я влюбился,
А про ссоры, Верочка, забудь,
Ведь к тебе я лишь стремился.
Моя мама здесь как раз живёт,
Понимание она найдёт,
И разрешение нам даст,
И папенька на то горазд.
Твою маму завтра вопрошу,
Чтобы всё, как надо, было,
Всё чтоб стало сердцу мило,
Твоей руки там я попрошу.
Свадьбу ж позже мы наметим,
В августе её отметим.

Х

– Не знаю, Коля, дай подумать,
Ответ попозже я скажу.
– Ой, Верочка, ну что тут думать,
Дай узел счастья развяжу.
Иль ты меня, Вера, не любишь?
И своим взором не голубишь?
Тогда скажи, меня не мучь,
Я, Верочка, не сброшусь с круч,
Хоть сердечком стану я страдать,
И твой взор буду я ловить,
Но мужество смогу явить,
Чтобы волюшку тебе воздать.
Жить без любви ведь не хочу,
Скажи мне правду – я прошу.

XI

– Ты что так, Коля, наступаешь?
Тебе сейчас вон всё подай,
Ты своим натиском срываешь
Слова любви. Мне думать дай.
Конечно же, к тебе я склонна
И нежностью в сердечке пълна.
Любовью ведь она цветёт
И с радостью к тебе идёт.
Хоть порой и мучаешь меня,
Но душа тебя взывает,
Без тебя она рыдает,
Не жалеет для тебя огня.
А ты мне думать не даёшь
И этим моё счастье мнёшь.

ХП

– Верочка, какой же я дурак,
Ты прости меня, родная,
Но коль ты любишь – то всё пустяк,
Моя подружка боевая.
Сколько надо, буду тебя ждать,
С тобой стану зорюшки встречать.
Я ж признания услышал,
Счастье в своём сердце вышил.
Дай любовью крепче обовью,
Так, чтоб душенька сияла,
Что столь лет тебя искала,
Да про любовь вечности спою.
Что речкой буйно разлилась,
С тобою встречи заждалась.

ХІІІ

И он привлёк Веру вниманьем,
В уста её всё целовал,
Да всё ласкал своим желаньем,
Её к взаимности зывал.
И Верочка душой раскрылась,
В любви сердечной закружилась,
Про всё на свете позабыв,
Её зывал любви порыв,
Где в сердцах усладно он парил
Красотою несказанной
В этой жизни окаянной,
Да надежду и любовь дарил.
Где время быстренько прошло,
И солнце на закат пошло.

XIV

Уж вечерело. Вера стала
Домой Николу подгонять,
А радость сладко в них вzywала,
Им не хотелось путь держать.
Здесь всё им счастьем улыбалось,
В сердцах, как надо, всё слагалось.
И птички чудно песни пели,
Верно, выразить хотели.
Про путь и долюшку святую,
Да и про разные дела,
Которые судьба несла,
Собою в молодость златую.
Наконец, они собрались,
Быстренько домой помчались.

XV

А дома очень их уж ждали,
Особенно Веруси мать,
Ведь сумерки уже настали,
Ночь взор смогла уж раскрывать.
Но Вера к Тане заглянула,
Совсем надежду не задула,
Что в душе Таня берегла,
И ведь уверена была,
Что Верусечка к ней забежит,
Про болезнь её расспросит,
И болячки она скóсит,
Да собою ближе их сроднит.
Она ведь сердцем поняла,
Что Колю к ней любовь звала.

XVI

И не ошиблась Таня взором,
К ней Вера с Колей подошла,
Горели их глаза задором,
В них радость Танечка нашла.
И Коленьку она спросила,
Вопросом глубоко пронзила:
– Ты где, сыночек, пропадал?
Тебя Аркадий здесь искал.
– В лесочке с Верой мы бродили,
Там красота! Не описать,
Что не хотелось уезжать,
Оттуда ландыш прихватили...
– Хочу тебе букетик дать,
Не станешь, Таня, возражать?

XVII

– Да что ты, Верочка, спасибо,
Ведь знаю в ландышах я толк,
Весенней радости то диво,
И сердцу дорогой цветок.

– Но как же всё же ты, Татьяна?
Скажи-ка мне ты без обмана.
Как сердце, меньше уж болит?
И твоё тельце не знобит?

– Да нет. Лекарство мне давали,
И я без боли уж лежу,
Что и вставать уже хочу,
Ведь ножки двигаться уж стали.

– Нет. Ещё чуть рановато,
Но болячек не богато.

XVIII

И, осмотрев Татьяну, вышла,
Но Коля быстренько догнал,
А тут стояла дама, прішла,
На путь он денег ей воздал.
И лишь затем в машину сели,
Поехать быстренько сумели.
Мама ж Веры волновалась,
Да тревогою слагалась.
И, наконец, дверь распахнулась,
То Вера с Колею вошла,
Сердитой мамочку нашла,
Да Вера к мамочке нагнулась.
И поцелуй преподнесла,
Чем напряжение сняла.

XIX

И Коля с доброю улыбкой
Полину тож поцеловал,
И хваткою своею прыткой
Из сумки коньячок достал.
А Поля возражать не стала,
Из шкафа рюмочки достала,
Да яств на столик подала,
И вмиг их кушать позвала́.
И они дружно все расселись,
Хоть Николай слегка дрожал,
Но всё же рюмку в руки взял,
А мысли тоже как-то съелись.
Да Коля всё же их собрал
И с трепетом слова сказал.

XX

– Скажите, как мне обращаться?

Вас можно мамой называть?

То я не знаю, как держаться,

Когда слова буду слагать.

– Да как душа твоя желает,

Какие мысли посылает.

Так и, сынок, меня зови,

По зову сердца говори.

Ведь не в словах трава растёт,

А нуждается в питанье

И в почвенном дарованье,

Да в заботе, что душа несёт.

А без почв слова пустые,

Хоть по зову и родные.

XXI

От сказа Поли Коля сник,
Ещё больше растерялся,
Но всё ж в сущность слов Поли проник,
Сёрдца глубиной собрался.
Сказав: - В лесу сегодня были,
Там с Верой радостью мы жили,
Вера согласие дала,
Меня быть мужем возвала.
Позвольте, мама, разрешенье
От вас мне также получить,
И титул зятя мне вручить,
Люблю ж я Веру без сомненья.
Всей своей пламенной душой,
Её взор сердцу дорогой.

XXII

– Но Вера коль тебя воззвала,
То я не стану возражать,
Она любви большой искала,
Её, похоже, сможешь дать.
А когда свадьбу созовёте?
Когда ж судьбинушки совьёте?
– Мы на август бы хотели,
Пригласить чтоб всех успели.
И в Луганске свадьбу провести,
В нашем новом ресторане,
Иль хотите в «Океане»?
Туда гостей тож можно привести...
– А ты что, Верочка, молчишь?
Всё ничего не говоришь.

XXIII

– Да я, мамулечка, согласна,
Ведь Коля очень дорог мне,
В измене мучилась напрасно,
А ревность лишь в моей вине.
И свадьбу, Бог даст, скоро справим,
Всем приглашения направим.
Маму Таню лишь подлечим,
Юбилейчик ей отметим.
Она очень хороша собой,
И ей всего как тридцать лет,
Ведь младо излучает свет,
Выглядит Татьяна боевой.
– Её б мне надо навестить,
Да в гости Таню пригласить.

XXIV

– Ты навестить Татьяну можешь,
Она ещё слаба́ собой,
Но а знакомству ты поможешь,
Со свахой встретишься душой.
Она мне очень приглянулась,
Вначале думала – надулась,
Что я с сынком её дружу,
И страх на Колю навожу
Своим злодейским я отказом.
Но потом Таня поняла,
Что совершенно не права,
И помирились мы разом.
Но ещё нужен ей покой,
Хоть организм и боевой.

XXV

– Я тебя, Веруся, поняла,
В гости ещё нельзя вести,
А вот на крючок я всё ж взяла,
Что завтра Тане отнести.
И с нею всё тогда обсудим,
Её печалюшки все срубим.
Чтоб поправлялася скорей,
Жилось нам чтобы веселей.
То тебя вечно дома нет.
Всё в больницу ты бежишь,
И туда взоры всё остришь,
А теперь хоть Таня даст мне свет...
– Ой, обожаю, ма, тебя,
И дай же, обниму любя.

XXVI

– Кстати, где же станете вы жить?

Неужель меня оставишь?

Вера, буду сердцем я грустить,

Взоры ты куда направишь?

Живите здесь, мѣста всем ведь хватит,

И зачем зря вам деньги тратить?

Глядишь, и внуки побегут,

Чем радость в сердце вознесут.

– А правда, где мы станем жить?

Как на это, Коля, глянешь?

Своё сердце не обманешь,

Коль все вместе будем мы дружить?..

– Да я, Верочка, согласен,

Путь нам этот не опасен.

XXVII

И они долго ворковали,
Счастливые в своей любви,
Друг друга счастьем согревали,
И нежность слышалась в крови,
Что Веру он в любви желанной
Да красотою несказанной.
В уста всё крепко целовал,
Да и сердечностью взывал.
Взаимно Вера отвечала
Ответной негою своей,
Всё становясь ему родней,
И потом с ласкою сказала:
– Коля, нам пора прощаться,
– Но не хочу я расставаться.

XXVIII

– Но двенадцать, Коля, уже бьёт,
Время позднее стучится,
И нам расставание несёт,
Мы должны ведь подчиниться.
– Ну, Верочка, ещё немного,
И не брани меня ты строго.
Дай, обниму ещё тебя,
Сердечком Верочку любя.
Ты ж моя радость всей мечты,
Всей души моё ты счастье,
Разгоню я все ненастья,
Для тебя измерю все версты.
И тебе счастье подарю,
Дай, обниму свою зарю...

XXIX

И, наконец, Коля уехал,
В душе же благодать цвела,
Конечно, к маме он заехал,
Где мамочка его ждала.
И он ей жарко и пространно,
Сердечком радостным, воззванно
Всё по порядку рассказал,
И от неё ответа ждал.
А мама свадьбу поддержала,
Радовалась своей душой,
Что Вера станет им родной,
И все решенья одобряла,
Светясь счастливою звездой
Да радостью души большой.

XXX

Наутро мужу позвонила,
Всё, как есть, ему сказала,
Ведь Ромочку она любила
И, как прежде, обожала.
У них любовь не прекращалась,
Сладко в сердце согревалась,
И была яркой, огневой,
Светясь отрадною зарёй.
Со свадьбой Рома согласился,
Распросом Таню не томил,
А радостный сердечком был,
И сына выбором гордился.
И тут же Коле позвонил,
Милым голосом сообщил.

XXXI

– Мне мать недавно рассказала,
Что свадьба скоро в дом войдёт.
Быть! Строгонько меня воззвала,
Да мне ещё наказ даёт,
Чтоб пригласил я Михаила,
Да и была чтобы Людмила.
Её братьям я сообщил,
Им о свадьбе доложил.
– Папа, я звоню, они ж молчат,
Словно в рот воды набрали,
Лишь во Львов путёвку дали,
Где укусить горше норовят.
Что там, папочка, случилось,
Что вдруг злоба обнажилась...

XXXII

– Ой, сынок, всё сложно описать,
Впал наш Львов в недомоганье,
Но а чему быть – тому бывать,
Только жаль, грядёт страданье.
А Миша очень изменился,
Что словно мой сынок сказался,
Всех на Майдан стал приглашать
И сам туда стал выезжать.
За это очень я волнуюсь,
Не знаю, как мне поступить?
И как его мне победить?
Я этим, сын, интересуюсь.
Ведь вижу – не туда идёт,
И эта боль меня гнетёт.

XXXIII

– Папулечка, не волнуйся так,
Всё, как надо, совершится.
– Ой, Коля, всё это не пустяк,
Наш строй может надломиться.
И за что ж отец мой воевал?
Да за что он жизнь свою отдал?
Всё ж под ноги подомнётся,
Тогда ж строй с оси сорвется.
И связь с Россией потеряем,
Но там же братик мой живёт,
Кровь моей матери несёт,
А мы весь путь тот разрушаем.
Нацики ж по Львову бродят,
Ужас на людей наводят.

XXXIV

– А вы к нам переезжайте,
Донбасс к России сердцем льнёт,
Я вас не брошу – сердцем знайте,
Мне ваша жизнь судьбу ведёт.
Папулечка, люблю, родимый,
Я рад твой голос слышать милый.
За вас с мамулей жизнь отдам,
Но не воздам на вас я срам.
Да перемелется всё, папа,
Мука с осадками уйдёт,
Зерно любви всё ж прорастёт,
Да засияет счастьем хата.
Ну, всё, папуля, приезжай,
И нам звонить не забывай.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

Задумался и Коля очень,
На сердце было тяжело,
Ему сказал, как между прочим,
Друг Саня: - Как же повезло
Тебе, Николушка сердечный,
Хотя ты делом не беспечный.
Но как ты Веру отхватил?
Её от Вани ты отбил?
Ведь ко мне вчера он приходил,
Такой рассерженный и злой,
Поговорить хочет с тобой,
Ему же кто-то уж сообщил,
Что Вера согласие дала,
В мужья тебя же воззвала.

II

– Да за Верой я уж год хожу,
С первых дней в неё влюбился,
И мечту о ней с тех пор ношу,
Лишь сейчас руки добился.
Он всего был Верочке сосед,
И ему большой я шлю привет.
Пусть скорее уезжает,
То он зло во мне взывает.
Чего доброго, ещё побью?
Хоть он высокий и плечист,
Но я ж, мой друг, ещё самбист,
И, не дай Господь, ещё убью.
Но не дам Веру отбивать,
Ему об этом дай ты знать.

III

– Тебе же драться так негоже,
Так что, Коляня, прекрати!
Не надо злиться, друг мой, тоже,
В себе ты беды не расти.
Ты же судья, за это судишь,
И что, ты драться, Коля, будешь?
За это срок тебе дадут,
В сердечко муки заведут.
А ты же достойный ведь у нас,
Суд наш славный возглавляешь,
За подобное караешь,
А сам взбунтовался вот сейчас.
Поэтому, друг, усмирись,
И на злой шаг ты не ведись.

IV

– Ишь, как меня ты пробираешь,
Как словно мама говоришь,
А разве, Саня, ты не знаешь,
Любовь ведь злее, чем гашиш.
И я за Веру постою,
Коль надо – охоту отобью.
Но ты, Саня, не печалься,
Быть дружкой ты собирайся.
Я же свадьбой сердцем уж горю,
Мне ночами она снится,
Надо ж, друг, вот так влюбиться,
Что крылато так душой парю?
И цель сейчас только одна,
Чтоб счастья мне испить до дна.

V

– Смотри-ка! Как ты заговорил...

Ну, прямо, Коля, ты поэт,

Что и меня воодушевил,

Хочу жениться – дай совет...

– Вначале ты найди невесту,

Тогда слова и станут к месту.

А сейчас слова пустые,

Банальные, не родные.

– Да нет, у меня Анюта есть,

Интересная девица,

Она словно бы синица,

Так вот такая, Коля, вестъ.

Она у Веры трудится,

Быть может, счастье сбудется.

VI

– А ты этим хочешь что сказать?
– Да то, что Анечка прибудет,
Вас на свадьбе станет поздравлять,
Дружкой она же будет.
И мы, возможно, в ЗАГС пойдём,
Да с Анютой счастье обретём.
А что, Вера не сказала?
Но мне Аня обещала
Всю информацию Вере дать,
Что она свою сестру возьмёт,
И Юля с женихом придёт,
А он там ведущим хочет стать.
Толя же артист прекрасный
И певец романсов страстный.

VII

– Пока ещё не говорила,
Что дружку Верочка нашла,
Она, быть может, позабыла,
У них вчера мама была.
– А твоя мама уже ходит?
И болей путь её не пóит?
– Моя мамуля – молодец,
Здоровья носит уж венец.
– А Вера с Таней подружились?
Невестка как себя ведёт?
Дистанцию путей блюдёт?
И с долями они смирились?
А кто же верх над кем берёт?
И кто к кому с душой идёт?

VIII

– Ты, Саня, словно полицей
Иль следователь дотошный,
Тебе же на блюдице подай,
Как и анекдотик пошлый.
Я ж на встрече этой не бывал,
И меня туда никто не звал.
В Верин дом маму лишь подвёз
И с нею был пока я врозь.
А мама с Полей говорила,
И Вера с ними не была,
А операцию вела,
Я не в курсе, что сообщила.
– Ой, не сердись же, мой дружок,
За любопытный мой ты слог.

IX

– Я не сержусь, но неприлично
Вот так вопросы задавать,
Мне кажется, что всё отлично...
– Прости, но я хочу всё ж знать,
Ведь в гости Аня к нам не ходит,
Всё стороной наш дом обходит.
Беседы с мамой не ведёт,
И словно бед от мамы ждёт.
И я боюсь, что не поладят,
А этого я б не желал,
Вот потому вопрос задáл,
Твои слова, быть может, сгладят...
Дадут душе моей причал,
Вот потому так и сказал.

Х

– Тогда жениться не спеши,
Время дай, чтобы проверить,
И дорожку им ты распаши,
И поймёшь, любви чьей верить.
Любовь ведь дивное создание,
Влечёт огромное желанье.
Но и мамы как святые,
Они же самые родные.
Ведь родители нам жизнь дают,
И нам нельзя их обижать,
Уют им надо создавать,
И им дети гимны пусть поют.
Об этом дети должны знать,
И их, как око, защищать.

XI

– Коляня, спасибо за совет,
Ведь мудро ты мне всё сказал,
И на боль души ты дал ответ,
И меня светом обласкал.
Похоже, так и поступлю
И со свадьбою повременю.
– Твой же выбор на то, Саня,
В глубь смотри, какая Аня.
А сейчас поехали домой,
Небось там мама заждалась
Или работой занялась,
Там, наверное, скучно ей одной.
Но Танюша не скучала,
А Полинушку позвála.

ХП

С ней все проблемы порешали,
Обговорили всё они,
День точный свадебный назвали,
И засияли в них огни.
Они друг друга полюбили
И неостудно гомонили.
Как сестрички они были,
Красотою ещё слыли.
Особенно цвела Татьяна
Своей роскошною косой,
И не гляделась уж больной,
А вся смотрелась без изъяна.
Во Львов уж ехать собралась,
Но речь всё ж снова полилась.

ХШ

– Охоты нет, Полина, ехать,
Мне всё так нравится у вас,
Надо давно было приехать,
Да как-то не слагался час.
Я здесь, Полиночка, дружила,
И здесь впервые полюбила
Романа, милого друга,
Да и, похоже, на века.
Он цветы мне разные носил,
Каждый день всё к школе бегал,
Круги ожиданья делал,
И порою там цветы дарил.
Там учительствовала я,
Вот так, Полинушка, моя.

XIV

– Сколько лет здесь, Таня, прожила?
– Года три, а то и больше,
Здесь, Поленька, я счáстлива была,
Жить хотелось здесь подольше.
Здесь за Романа замуж вышла,
И не была уж здесь я прѝшла.
Нам квартиру быстро дали,
Принимать гостей мы стали.
Но вдруг быстро Коля дверь открыл,
Величавый да красивый,
И с улыбкою счастливой
Им разговор приостановил.
С работы Николай спешил
И маме тортик он вручил.

XV

А тут и Верочка явилась,
Забрать же мамочку пришла,
Красиво Вера нарядилась,
Великолепием звала.
И Коля подскочил торопко
Да обнял Верочку не робко,
К столу желанную подвёл
И усадил да речь повёл:
– Моя Веруся, ну как дела?
День удачно завершился?
Иль трудом он весь сложился,
Что и отдохнуть ты не смогла?
Хоть ты выглядишь царицей,
Величавою жар-птицей.

XVI

– Да как обычно денёк прошёл,
Без надрывности, печали,
Врач ко мне под вечер подошёл,
Сказал: - В Киев вызывали.
И чтобы срочно собиралась,
Больная там тебя зажда́лась.
Ведь тебе лишь доверяет,
А других не допускает.
Олигарха же она жена,
А адрес твой Женя дала,
Ведь её мужа ты спасла,
А та же всевластности полна́.
Вот оттого и когти рвут,
И тебя срочно так зовут.

XVII

– Ну а ты, Верочка, поедешь?
– Не знаю, Коля, как мне быть?
– А, может, ты во Львов заедешь?
И сможешь взор там свой явить.
– К вам, мама Таня, не поеду,
Потом лишь позже я приеду,
Как свадьба наша здесь пройдёт,
Она мне смелость вознесёт.
А так мне, мама Таня, стыдно
Без оснований приезжать,
Чью роль я стану исполнять?
Душе моей будет обидно,
Что к вам без росписи пришла,
Хочу, законно чтоб вошла.

XVIII

– Вероятно, Вера, ты права,
Не подумав, я сказала,
И меня прости ты за слова,
Ещё время не настало.
– Нет! Я, мама Таня, не сержусь,
Но пересудов я всё ж боюсь.
Знаю я души морали,
И они меня воззвали.
И поэтому так жизнь веду,
Может, это старомодно,
И всё это служит вводно,
Но по другой тропке не пойду.
Так мамуля воспитала,
И такую быть воззвала.

XIX

– Ох, Верася, славная ты сердцем,
Да с яркой праведной душой,
И мне открыла в радость дверцы,
Укрыв своею чистотой.
Тебе, Полина, за то диво
Скажу спасибо не игриво,
Что дочь такую родила,
Ей воспитание дала.
Страною бы Вере управлять,
Великий у неё талант.
Ты, Вера, словно бриллиант,
Смогла б людям радости являть.
А ты капризы исполняешь
И безумцам жизнь спасаешь.

XX

– Ой, мама Таня, ты захвалишь,
Я человек совсем простой,
Меня напрасно ты так славишь,
Но народ сердцем мне родной.
Вот почему врачом я стала,
И в этом радость я познала.
Хотя порой меня бранят,
Коль понять правду не хотят.
Когда ж поймут – бывает поздно,
Ведь невозвратно час ушёл,
Где смерть в судьбе своей нашёл,
Так что спасти уж невозможно.
Порой и в том моя вина,
Что достучаться не смогла.

XXI

– Верочка, да что ты говоришь?
У тебя ручки золотые,
И напрасно ты себя коришь,
Больные ж порой пустые.
И частенько глупости несут,
И тем жизнь свою во гроб кладут.
А ты мне жизнь подарила,
О своей ты позабыла...
– Ой, мамули, хватит уж хвалить,
А я в Киев всё же еду?
Чрез пять дней тогда приеду,
Чтобы всё, как надо, завершить.
– Конечно же, Вера, поезжай,
Да нам звонить не забывай.

XXII

И вот уж в Киевской больнице,
В палату Верочка зашла,
А в ней же, словно бы в светлице,
Чистота блестящая была.
И Вера с твёрдой своей хваткой,
С незауряднейшей смекалкой,
Историю больной взяла
И изучать всё начала.
Потом больную осмотрела
И речь послушала её,
Познав сварливое лицо,
Консилиум собрать велела.
И врачи быстро все пришли,
Путь к операции нашли.

XXIII

Вера операцию вела,
Что длилась восемь аж часов,
И в ней массу сложностей нашла,
Губительных и злых оков.
Но Вера выдержать сумела,
Ведь стойкостью она владела.
И с больной смерть Вера сняла,
Её спасеньем обняла.
И к больной наутро подошла,
Вновь поговорить сумела,
Дать лекарства повелела,
Его в вену с ловкостью ввела.
Она ж была ещё слабá,
Но в жизнь надежду уж дала.

XXIV

Врачи от счастья ликовали,
«Кругую» даму ведь спасли,
Но хвастаться они не стали,
Всю славу Вере вознесли.
Узнав про это, Министерство,
Что было рядом по соседству,
Ведь стало должность предлагать,
Пост главврача ей обещать.
А Вера в смятении была,
Как вести себя не знала,
Но пока не отказала,
А Колю быстренько воззвалá.
И он не знал, что ей сказать,
Какою речью обласкать.

XXV

Вера ж вновь в операционной,
Другой больной её позвал,
В груди процесс слагался сложный,
Но стёжку к жизни всё же дал.
Вера, довольная собою,
И грелась мыслию родною,
Что ведь больные будут жить,
И боль не станет их давить.
И такой думой напоённой
Пошла Веруся на Майдан,
Да там впитала в себя срам
И гибель власти наречённой,
Которая рекой лилась,
Да болью в сердце отдалась.

XXVI

И с толпой Верочка смешалась,
Где слова бранные неслись,
Где бесовщиной всё вzywалось,
Где люди насмерть здесь дрались.
В остервенении орали,
Да верно суть не понимали.
– Долой же русский весь народ,
Этот грязный и дикий сброд.
И на гиляку Русь – кричали...
Да москалей скорей изгнать,
Донбассцам кости поломать,
Чтобы они не бастовали.
Их в лагерь смертников загнать,
Но а Донбасс у них отнять.

XXVII

От такой встречи Вера сникла,
На сердце боль, печаль легла,
В происходящее же вникла
И слезам волюшку дала.
Подумала: «В стране же кошмар!
И неистовый народный жар.
И он народ с ума сведёт,
В тупик державу заведёт,
Где будет голод и разруха,
И гибель да разброд людей,
Да избыльный путь смертей,
Пока ж удел и стезя слухов.
Но это скоро всё пройдёт,
И явью нас же обовьёт...»

XXVIII

И Вера медленной походкой,
В больницу вновь она пришла,
Расстроена тревожной сходкой,
И звонить Коле начала.
– Я, Коля, на Майдан ходила,
Картина та меня сразила.
Не могу больше здесь я быть,
А не то, чтобы и жить.
Здесь поносят русских, как врагов,
Наш Донбасс тож вровень ставят,
Речью грязной, бранной славят,
Так, что и не видно берегов.
А я завтра выезжаю,
Сейчас – крепко обнимаю.

XXIX

И вот уж Верочка в Луганске,
Где мамку в доме обняла,
Да обхватила крепко в ласке,
Что и разлуку всю сняла.
И всё, как птичка, щебетала,
Да новости ей рассказала,
Что в Киеве пришлось узнать,
Да их все в память нанизать.
Узнав про всё, Полина стала
Грустить, печалиться душой.
Ей было жаль страны родной,
Где боль стремительно пронзала,
Врезаясь меткою стрелой,
Чужой запущенной рукой.

XXX

Отчего больше сердце ныло,
Что Украина в бок пошла,
А в ней же всё красиво было,
Да на путь зла она вошла,
Что ей Америка диктует,
И оттого ведь США ликует,
Что Украину бороздит,
Где злом надсадно всё горит.
Чтобы в глубь России меч вонзить,
Хоть хитростью да злобой всей,
Да так, чтоб было ей больней –
Украину напрочь развалить.
А там трава хоть не расти,
США хочет доллар лишь спасти.

XXXI

– А как вы здесь, мамуля, жили,
Пока я в Киеве была?
В больницу Таню хоть возили,
Чтоб обследование прошла?
– Да, Никола очень здесь старался,
Решением он занимался.
Таню каждый день возил,
Как на работу уходил.
А затем её он забирал,
Таня всё поубирала,
Да всё Коле постирала,
И ко мне с ней Коля приезжал.
Мы с ней ладненько дружили,
Одним словом – не грустили.

XXXII

– А я о вас всё вспоминала,
Там скучно было мне одной,
Тоска какая-то напала,
Хотелось ехать в дом родной.
А вы о свадьбе говорили?
И ничего не позабыли?
Всё на список записали?
Никуда не опоздали?
– Да нет. Коля с радостью ходил,
Что всю тетрадь аж исписал,
Вычёркивал и вновь вставлял,
Коньяки, вино уж наносил.
Да сейчас Коля уж придёт,
Тебе как надо донесёт.

XXXIII

И в дверь негромко постучали,
Николай радостный зашёл,
Вмиг целоваться с Верой стали,
И разговор души пошёл.
– Прости, Веруся, что не встретил
И на звонок твой не ответил.
В комнате служебной были,
Приговор мы выносили.
Но зато завтра я свободный,
Давай отметим твой приезд,
Хватает в роще милых мест,
Иль в ресторан пойдём мы модный?
– Нет! На природу я хочу,
С тобой в лесочке поброжу.

XXXIV

– Вот хорошо, и я согласен
Свежайшим воздухом дышать,
С тобою путь мне так прекрасен,
Что хочется весь мир лобзать.
Ты ж – ягодка моя степная,
Моя надежда золотая,
Ты - мой чудненький цветочек,
Что даёт любви росточек.
Я без тебя здесь истомился,
Хоть и заботами всё жил,
Но очень, очень я тужил,
В тебя ж я с головой влюбился.
Скорей бы свадьба уж пришла,
Чтоб ты меня к себе взяла.

XXXV

– А мы с тобой венчаться станем?

– Как скажешь, звёздочка моя,

Мы в Церковь всей гурьбой нагрянем,

Чтоб счастьем жизнь цвела твоя.

– Ну что ж моя! И твоя тоже,

Так выделять меня негоже,

То загоржуся я душой

Уж в этой жизни непростой.

– Мой ты ангелочек, никогда,

Ты горячкою не станешь,

И меня ты не обманешь,

Ты моею станешь навсегда,

И я же буду лишь с тобой,

Мой ты спаситель дорогой.

XXXVI

– Ох, ох! Смотри, как расходился!

А маме Тане ты звонил?

– Да я со счёта уже сбился,

А вот ответ не получил.

– Тогда поедь ты побыстрее,

Скажи всем тоном породнее,

Что скоро свадьба уж грядёт,

И наша доля их всех ждёт.

Ты, наверное, завтра поезжай,

Отгульчики свои возьми,

А их набралось до семи,

И во Львове сам всё разузнай.

– Вера, я так и поступлю,

Билет завтра же куплю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

И Николай во Львов поехал,
А в нём никто его не ждал,
Он к брату Мишеньке заехал,
А брат руки и не подáл.
– Ты что, Михася, не рад видеть?
Иль я сумел тебя обидеть?
Ты что, не ласковый такой?
Словно мне ты не родной?
– А ты чужой мне, вот так и знай,
Не хочу тебя я видеть,
Ты сумел меня обидеть,
И рукú своей не подавай.
– А в чём же всё ж я виноват?
Ты мне скажи, мой старший брат.

II

– Мне ты не брат, ты есть изменник,
Москальку замуж ты берёшь,
Ты в Украине есть нахлебник,
Ведь горе ты в себе несёшь.
– Ты, Михаил, что так взбесился?
И на меня так взбеленился?
Меня злобно оскорбляешь,
Изменником называешь.
Себя виновным не считаю,
А то, что Веру полюбил,
То в том измену не явил,
Её я сердцем обожаю.
Прибыл – на свадьбу вас позвать,
Своим вниманьем обласкать.

III

– Порадовал, изменник подлый,
Что аж посмел сюда прибыть,
Да я тебя, предатель злобный,
Готов сейчас же вот убить.
Сепаратист же ты ужасный,
Для Украины ты опасный,
Ведь я же в СБУ служу,
О тебе справки навожу.
Знаю я, какой же ты стервец,
Ты Донбасс же защищаешь,
А наш путь ты отвергаешь,
Ты уже донбасский ведь боец.
А наш Львов родимый предал,
И меня несчастным сделал.

IV

– Да что ты, Миша, успокойся!
Я никого не предавал!
Ну что так зло ты разошёлся?!
Я путь к измене не являл!
А что Донбасс просит свободу –
То это право же народа.
И её надо ему дать,
Какая в этом же напáсть?
Народ там в шахтах изнывает,
Ведь трудится в земле сырой,
Долбая уголь вековой,
А денег кукиш получает.
Ведь надо и его понять,
Но сколько можно так страдать?!

V

– Видал! Свободу захотели!
Дурные эти москали,
А вы в застенках не сидели?
Теперь их вам повозвели,
Чтобы не рыпались злодеи,
Шахтёры грязные, кощеи.
Мы научим, как надо жить,
И как страну свою любить.
А то видал, о чём мечтают,
Свой создать отдельный блок,
Державе ножик вставив в бок,
А её сами ж объедают.
Но так не станет никогда,
Мы будем главные всегда.

VI

– Ох, Миша, братик, ну ты ж прозрей!

Ты как белены объелся,

Правдою ты душеньку согрей,

Что так зло в Донбасс ты взъелся?

– Какой я братик? Ты – злодей!

Вражеский ты сердцем прохиндей.

Давай, ты быстро уезжай,

Сюда вовек не приезжай.

Или брось Донбасс свой дорогой

И Украину защищай,

Её своей душой спасай,

Чтоб в плоть на Донбасс идти войной.

И в нём неверных победить,

И, как врагов, нещадно бить.

VII

– Остановись же! И не злобствуй!
Поедь в Донбасс и погляди!
Где понять правду не упорствуй,
А её к сердцу подведи.
Народ в Донбассе ведь прекрасный,
Он – труженик, умелец страстный.
А ты взываешь убивать?
И мне убийцей для них стать?
В том, Мишенька, ведь грех большой.
Где властей же наших мудрость?
Неужель такая скудность
В державе посеялась родной?
Что вон готовятся к войне
С братьями в своей стране.

VIII

– Это потому, что вы – зверьё,
Вы – сепаратисты злые,
Одели же смерти вы бельё,
Стали нам совсем чужие.
Америка нам помощь подаёт
И в Евросоюз же поведёт,
Где будет радость, счастье нам,
А вам дадим мы по зубам.
Мы договор уж подписали,
Нам транш хороший она шлёт,
Для нас политику ведёт,
И мы её заужавали,
Что к ней навстречу мы пойдём,
И с нею в дружбе заживём.

IX

– Ой, Мишенька, ты ж умный парень,
Ну что такое говоришь?
Ведь словно в голову ты ранен,
Что глупостью такой смердишь.
Ведь жуть Америка имеет,
Злобным умыслом владеет,
Чтоб Украину всю подмять,
Да интерес свой извлекать.
А помогать за так не станет,
Загубит всех же вас она,
Лишь пользу извлечёт сполна,
И вас до дна она обманет.
Загляни ты вглубь проблемы,
Начерти свои ты схемы.

Х

– Ты меня, изменник, не учи,
Я сам чётко понимаю,
Ты ж иди да стряпай калачи,
Вот такую речь слагаю.
Ведь они скоро пригодятся,
В голоде станете валяться,
Да тысячами умирать,
Душою долю проклинать.
Что же не послушались вы нас?
За то и будете сдыхать,
Или друг друга поедать,
Вот такой, злодей, вас ждёт указ.
Теперь вон ты убирайся!
На глаза не попадайся!

XI

И Николай вышел и пошёл,
Где жили все одной семьёй,
И свой скоро прежний дом нашёл,
Был который сердцу дорогой.
Молодость где радостью цвела,
Да и вдаль безоблачно звала.
А сейчас в сердце грусть вошла,
Да тоска душу обвила...
Дом постарел, сник головою,
Асфальт весь глыбами изрыт,
И взором горестным глядит
На улицу свою родную,
Где Коля молча постоял,
И путь свой памятью обнял.

ХП

Николай затем пошёл домой,
И он в двери постучался,
Похоже было, что дом пустой,
Он в него не достучался.
Да тут соседка проходила,
И все новости сообщила,
Сказав: - А Танечка ушла,
Роману кушать понесла.
Но вот-вот она должна прийти,
А то давай, пойдём в мой дом,
Поговорим о том, о сём.
Да шаги сверкнули впереди.
То мама Таня подошла
И сына сердцем обняла.

ХШ

– Коленька, ты что, не позвонил?

Неожиданно явился.

– Звонил, мама, сколько было сил,

Но а всё ж не дозвонился.

– Ой, сынок, хотелось мне сказать,

Что решила номер поменять,

А вам сообщить забыла,

Что ж я, что же натворила?

– Да ничего, я ведь добрался,

У Миши в кабинете был,

А он немилость мне явил,

И зло со мною всё ругался.

Я этим, мама, огорчён,

Ведь Миша стал словно не он.

XIV

– Ой, сыночек, горяшко у нас,
Миша словно бы сказился,
К нам не ходит он уже сейчас,
Душой очень изменился.
И ведь это он отца довёл,
Что его в больницу с болью свёл.
И там мой Ромочка лежит,
Сердечко у него болит.
Пришёл к нам Миша, вдрызг напился,
И стал права свои качать,
Нас москалями обзывать,
А Рома возражать решился.
Тогда он в грудь отца толкнул
И стол с едой перевернул.

XV

– Ма, его гнать надо метлой,
Как он мог себе позволить?..
– А Рома поднялся чуть живой,
Я стремилась успокоить...
И неотложку я позвала,
Минута горькая настала,
Ведь удар Ромочку хватил,
А отец словно бы застыл.
Его в больницу положили,
Лекарства стали всё вливать,
Что начал лучше он дышать,
Видать, успешно полечили.
Сейчас уж Ромочка встаёт
И речь понятную даёт.

XVI

– Да худо с братиком творится,
Ведь он нацистом словно стал,
В меня сумел же так вцепиться,
И меня как не называл.
– А он в вину и Роме ставит,
Что отец русский язык славит.
Рома же по-русски говорит,
А ему Миша не велит.
Но Рома же в Москве родился,
И там родители живут,
Оттуда весточки нам шлют,
В Донбассе ж он на мне женился.
Но во Львове я училась,
Позже здесь семья сложилась.

XVII

– Но раньше он не горячился,
Миша по-русски говорил,
Когда и в Киеве учился,
И русский – раньше здесь любил.
– А сейчас Рому оскорбляет,
И, как ребёнка, поучает,
Что любит русский он язык,
И тем изводит Рому вмиг.
Чуть до больницы не подрался
За эту русскую он речь,
Стремясь вонзить ехидства меч,
И в избытках изошрялся,
Что стал этим одержимым,
Да душою не родимым.

XVIII

– Ма, пойду часок я погуляю.
– Да скоро будет же темнеть.
– Но я страхом не страдаю,
И не боюсь я ночи ведь.
– Иди. Но в десять был чтоб дома,
А то соседка придёт Тома.
Хочет закон она узнать,
И просит, чтоб ответ ей дать.
– Ну, хорошо. Пускай приходит,
И если что, пусть подождёт,
А чем заняться – дел найдёт,
Но грусть на сердце не наводит.
И, хлопнув дверью, он пошёл,
Да к Мише быстро путь нашёл.

XIX

Но а Колю брат не ожидал,
Да он быстро в дом ворвался,
И на разговор Мишу позвал,
Тот почти не отпирался.
– Зачем, подлец, отца ударил?
Чуть инвалидом не оставил.
Сейчас в больнице он лежит,
И сердце у него болит.
И зачем за русский ты бранишь?
Глупостью отца изводишь,
Боль надсадную наводишь,
Да сейчас сам ты заскулишь.
Во всю мощь он Мише врезал,
Ему память – как отрезал.

XX

И сказал: – Я за отца убью,
Не дам подонкам унижать,
И в клочья здесь вас я разорву,
Как мог ты маму обижать?
Михаила с пола он поднял,
Да и трясти весомо стал,
Что глаза Миша вдруг открыл,
Хоть и тихо, но заговорил:
– Я это всё тебе припомню,
И никогда я не прощу,
С лихвою я с тебя взыщу,
И этот день навек запомню.
– Сядь, а то ещё ведь врежу,
Боль великую нарежу.

XXI

И, хлопнув дверью, Коля вышел,
А ночь слегка лишь забрела,
Но Коля боли в сердце слышал,
Да тоска в плен его взяла.
И он подумал: «Как случилось,
Что всё несчастьем покрылось?
Мечь в стране ведь заиграла,
Даже на детей напала.
Уже сын отца ударил в грудь,
Что тот по-русски говорит,
Ужель нацизм страна родит?
И неужто кровь зальёт нам путь?
Тогда разруха страну ждёт,
Где она в бездну упадёт».

XXII

Домой пришёл, в нём грусть лежала,
А мамочка его ждалá,
Колю расспрашивать ведь стала,
И к речи всё же воззвала.
И Коля начал не торопко,
Порою речь звучала горько.
– Да к Михаилу я ходил,
Его немножко проучил.
Чтобы вас он больше не журил,
Ума чуть ему я вставил,
Синяков же не оставил,
Но как надо Миша получил.
Хотя и старший Миша брат,
Но а какой он, мама, гад?!

XXIII

– Да, Коля, я с тобой согласна,
Откуда в нём такая грязь,
Что речь его не безопасна,
Сорвался он душою в мразь.
– Мама, но был парнем он отличным,
Везде во всём он был приличным.
За него не стыдно было,
Теперь что же накатило?
Его же словно подменили,
И стал он злобный, как садист,
А мил был – наш специалист,
Но сейчас чем же напоили?
Ужель нацизма он вкусил?
И аппетит им нарастил?

XXIV

– Ма, а народ здесь тем же болен?

Он тоже зло в Донбасс глядит?

– Да нет, сын, в выборе он волен,

Но боль какая-то лежит.

Не знаю, но власть стала бойко

Во всё аж горло звать стойко,

Чтоб на Майдане народ был

И там в передовых служил.

А за это гроши им дают,

Там поденно получают,

Отслужив, вновь приезжают,

Так вот, Коля, многие живут.

Они рекою там бурлят,

И кричат то, что им велят.

XXV

– А ты тоже там, мамочка, была?

Также деньги получала?

– Да нет, хоть соседка и звала,

Но, сын, там я не ступала.

Таких, как я, здесь очень много,

Хотя живут, Коля, убого,

А туда ехать не хотят,

И зло о русских не кричат.

Но, верно, мир наш разделился,

Черта развода всё ж прошла,

Бандеровцев она нашла,

И этот день, видать, случился.

Но на всё же Божья воля,

По грехам даётся доля.

XXVI

– Ты как философ рассуждаешь,
Мамуля милая моя,
Слова по сути подбираешь,
Глубокой истиной горя.
А ты на свадьбу к нам придешь?
И здешние несчастья срубишь?
– Не знаю, что тебе сказать?
Не хочется, сын, огорчать.
Всё же Ромочка наш очень слаб,
Не смогу ж его оставить,
Кто здесь будет балом править?
Муж без меня спрячется, как краб.
И станет он один сидеть,
Да лишь с тоской на всё глядеть...

XXVII

– Поедем, мама, завтра рано
К папулечке с тобой вдвоём.
– Ему, сынок, будет отрадно
Тебя же слушать обо всём.
И вот они уже в больнице,
Да в чистой беленькой светлице.
Все рядышком втроём сидят
И трепетом сердец горят.
И был очень рад Роман душой,
Что сынок к нему примчался,
С ним всем сердцем он обнялся.
С теплотою сказал большой:
– Я на свадьбу всё же еду,
Сынок, жди, я к вам приеду.

XXVIII

– Да тебе ехать, муженёк, нельзя,
Дорога же не ближний свет,
Как бы ни случилась беда,
Да вновь услышала ответ:
– Нет, Танечка, поедem вместе,
Подарим кое-что невесте.
А я буду осторожен,
Ведь и путь, Таня, не сложен.
Так что на свадьбу вы ждите нас,
Неприменно с Таней будем,
Этот день мы не забудем,
Лишь ремонтик я пройду сейчас...
Такие вот, жена, дела,
Звезда же счастья нам взoшла.

XXIX

И больше спорить уж не стали,
Отцу не стали возражать,
А радость вместе все являли,
Сумев мир счастья душам дать.
И в Луганск Коленька поехал,
В Киев по пути заехал.
И кольца к свадьбе он купил,
И много денег в них вложил.
Бриллиантик в них зарёй горел,
Красотой любви сияя,
Сердце сладко обнимая,
Что их Коля прятать не хотел.
И думал: «Вере угодил?
Такие кольца я купил?»

XXX

И жених приехал, наконец,
На работу к Вере сбегал,
И ей преподнёс стезю колец,
Обо всём Вере поведал.
И кольца точно подходили,
Чем радость жениху явили.
Да и невеста вся цвела,
Благоуханная была.
А затем Кблюшке сказала:
– Спасибо, миленький ты мой,
И ты теперь иди домой,
Тебя мамуля там взывала.
И скоро я к вам поспешу,
Обход лишь только завершу.

XXXI

И больных мило осмотрела,
Затем она домой пошла,
От встречи с Колей веселела,
И радостью, как мак, цвела.
Но вдруг её кто-то окликнул,
Издали то Ваня крикнул:
– Верочка! Постой-ка! Подожди!
И быстро так ты не иди.
И Вера вмиг остановилась,
Соседа Ваню стала ждать,
Хоть не хотелось ей стоять,
Домой идти же наострилась.
И вот к ней Ваня подошёл,
Да разговор свой вновь повёл.

XXXII

– Прости, что заставил ожидать,

Ты меня же избегаешь,

Но мне хочется всё точно знать,

В мужья – Колю выбираешь?

– Тебе я как-то говорила,

Что я же Колю полюбила,

За него замуж выхожу,

Но говорить я не хочу.

– Верочка, а как же мне-то быть?

Я тебя ж люблю безмерно,

Без тебя мне очень скверно,

Разреши тебя хоть проводить?

– Пойдём, всем дороги хватит,

И никто нас не захватит.

XXXIII

– Да как же? Коля бить всё обещал...

За тебя готов сражаться,

Но, видать, час битвы не настал,

Коль не начали мы драться.

– Ну что ты, Ванюша, прекрати,

В дом, сосед, ты горя не носи.

За тебя – замуж не пойду,

Твой путь я, Ваня, обойду.

– Хоть на свадьбу, Вера, пригласи,

Дай счастливою увидетьь,

То мир буду ненавидеть,

Но от драки – Боже упаси.

Вести себя буду смирно,

Тихо, радостно и мирно.

XXXIV

– Но коль так, то, Ваня, приходи,
Места всем на свадьбе хватит,
И соседку Дину приведи,
Что печаль твою убавит...
– А из Москвы я увольняюсь,
И жить ведь здесь я собираюсь,
Ведь грозою, Вера, пахнет,
Бой, похоже, скоро ахнет.
А кто ж здесь вас защитит?
Кто за вас станет сражаться?
Тому – надо обучаться,
Без навыков – сложно победить.
Потому решил остаться,
И с тобой мне жаль расстаться...

XXXV

– Ваня, ну что же мы о грустном
С тобою стали говорить?
Да о пути войною гнусном,
Нам мир добра надо явить.
– И я об этом же мечтаю,
Его я сердцем обожаю.
Но чтоб был мир – нужен отпор,
Да склад орудий на подбор.
А в противном случае беда,
Всё будет стрелы наводить,
Да горе людям приносить,
И нас станет боль давить всегда.
Вот что хотел ещё сказать –
Приду на свадьбу поздравлять.

XXXVI

– Но всё, Ванюша, до свиданья,
А то вон Коля уж идёт,
Прошу, не делайте страданья,
А то же вы такой народ...
– Ты что с ним, Вера, обсуждаешь?
– На что ты, Коля, намекаешь?
– На то – к тебе чтоб не ходил,
И с тобой тропок не торил,
А то иначе буду драться,
За честь свою я постою,
И унижений не стерплю,
И попрошу Ваню убраться.
– Ты, Коля, Ваню не гони,
К нему ты душу распахни.

XXXVII

– Что аж на свадьбу пригласить
Соседушку дорогого?
Иль кулак в него всадить,
В грудь Ванюшечки родного?
– Никола, прекрати, не буйствуй,
Видал, какой ты стал уж шустрый.
Мы правда Ваню пригласим,
И Диночку ему вручím.
Они же с нею помирились,
Ведь давно они дружили,
С ней троп много исходили,
Пути счастьем у них сложились.
Так что меня ты не ревнуй,
А лучше, Коля, поцелуй.

XXXVIII

И Николай вдруг рассмеялся,
К груди он Верочку прижал,
И драться уж не собирался,
А успокоенно сказал:
– Ну, то другое, Ваня, дело,
Моё сердечко повелело
Тебя на свадьбу пригласить,
Да с миром в дом наш приходить.
И так тепло они расстались,
А Вера с Колей вошли в дом
И уж не думали о том,
А снова крепко целовались.
К свадьбе стали всё готовить,
Всё, как водится, итожить.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

И дни бежали в любви сладкой,
Всё приближая пир большой,
К чему наш обыватель падкий,
Особенно за счёт чужой.
Но Вера с Колей не скупилась,
Да свадьбой всё же не носились.
В добрый час всё уж купили,
Гостей много пригласили.
Но всё ж с волнением свадьбу ждали:
«Как церемония пройдёт?
На небе солнышко ль взойдёт?»
Чтоб пир воззванно шёл, мечтали.
И этот день к молодым пришёл,
В ранг свадебный он всех возвёл.

II

И Вера с Колей нарядились,
В свадебной красе горят,
И, наконец-то, поженились,
Им наставленья говорят.
И с радостью их поздравляют,
Цветы с восторгами вручают.
И Ваня с Диной подошли,
К ним звёздочкой любви взошли.
Они букет цветов вручили,
Сияя радостной душой,
Сердечной думою одной,
Им о счастье говорили.
И Саня, друг, же здесь стоял,
Он пару с радостью обнял.

III

К ним мама Таня подошла,
Их душой она воззвала,
И слова в себе бегом нашла,
Вот свекровь что им сказала:
– Мои родные, Вера, Коля,
Хочу счастливая чтоб доля
Вас по жизни б согревала,
Радости чтобы вручала.
И чтоб торжеством судьба цвела,
Горюшка она б не знала,
А любовью бы дышала,
С пяток детей бы воздала́.
Вот наказ какой вам шлю,
Обоих очень вас люблю.

IV

– И тёща хочет тоже говорить,
И я Колю полюбила,
Этой паре я хочу вручить
Всё то, что сердцем сочинила.
Живите в радости и счастье,
И вон гоните вы ненастье.
Я со свахою согласна,
Чтобы жизнь была прекрасна,
То скорей детей надо иметь,
А мы вам будем помогать,
Купать да стряпать и ласкать,
Чтобы мир детей сумел звенеть.
Вот чего я вам желаю,
К исполнению взываю.

V

– Ты посмотри, как Поля разошлась,
Свахочка моя родная,
И паре вмиг что сказать нашлась,
Полиночка золотая.
Я ж говорить так не умею,
Но а сейчас я всё ж посмею
В бокальчики вина налить,
А потом продолжу говорить.
Спасибо, сваха, что дочь взрастила,
С милой, яркою душой,
И с величавой красотой,
Да женой быть сына разрешила.
За это я прошу поднять,
И свадьбу бойче чтоб воззвать.

VI

И свадьба бойко загудела,
Шампанское лилось рекой,
Но говорить душа хотела,
Всё радостью в любви большой.
И дружок Саня тож прорвался,
И он своей чреды дождался.
Волнительно стал говорить,
В нём младости горела прыть.
И слова он сердцем подбирал,
Дружком на свадьбе ведь же был,
Да речь немного позабыл,
И в напряженье страстно вспоминал,
Что лоб потёр своим платком,
И вот что он сказал потом.

VII

– Друзья, поднимем же бокалы,
Чтоб свадьба резвостью цвела,
И нам бы ставила всем баллы,
И радость молодым несла.
Да что-то горько, горько очень,
Ждём поцелуев между прочим.
Вино ж нам питься не даёт,
На молодых всё взор ведёт.
И «Горько» все кричать уж стали,
С усердием младых взывать,
Дать шанс любви их показать,
И, наконец, они всё ж встали.
И в любви крепко обнялись,
Да поцелуями слились.

VIII

И пара счастьем разливалась,
Она красивая была,
И потому к себе взывалась,
Всю цветъ природа им дала.
Особо Верочка смотрелась,
Черта в ней дивная имелась.
В ней была строгость и печаль,
Да и волнующая даль.
Ведь всё в ней мило сочеталось,
И север, юг, зари восход,
Надежда, радость и оплот,
Всё от природы ей досталось.
И зов в ней разума горел,
Где путь в сердечность он имел.

IX

На свадьбе очень выделялась,
Вся, как черёмуха, цвела,
В ней словно радуга игралась
Румянцем белого лица.
Где фата плеч её касалась
И с платьем белым сочеталась.
Ажурной стёжкой родной
Взирал рисунок расписной.
И туфельки под цвет же были,
Даря свой белоснежный цвет,
И, излучая платья свет,
Гармонию во всё явили.
И Коля Веру пригласил,
И её в танце закружил.

Х

Вера, как лебёдушка, плыла,
Фата мило развевалась,
И душою Колю обняла,
Взором с ним любви ласкалась.
Паря с отрадой легкокрыло,
Где сердце сладостью пленило,
Что и народ в танец пошёл,
И радость в этом он нашёл.
А тут и гопачок сыграли,
И народ с резвостью плясал,
Где свою радость показал,
Потом и «барыню» воззвали.
Одним словом, народ гулял,
Чем уваженье проявлял.

XI

И к утру все только разошлись,
Весёлые, для всех родные,
Ведь счастьем свадьбы все сплелись,
Взывая стёжки дорогие.
И Вера с Колею умчались,
Где уж усталостью слагались
От веселья свадьбы бойкой
И от речи, сердцем звонкой.
Но очень рады они были,
Что свадьба хорошо прошла,
Всем настроенья придала,
И там сердца друзей не стыли.
Напротив, пир взывал горой,
И всем во всём им был родной.

ХП

И Таня, Рома и Полина
Домой довольные вошли,
Тут и соседка пришла Нина,
И речь о свадьбе повели.
Как водится, всё обсудили,
И вновь по рюмочке налили.
И выпили коньяк до дна,
Да веселились вновь сполна.
В конце концов всё же расстались,
Нина весёлая ушла,
Деньжат немного заняла,
И отдыхать сваты собрались.
Кровать Полина предложила
И уютом их укрыла.

ХІІІ

И, отдохнув, все гости стали
Еду, усладу попивать,
Дня три ещё здесь погуляли,
Да путь во Львов стали взывать.
– Пора домой, Тань, собираться,
Дня два ведь надо добираться.
Так ведь, жёнушка моя,
Ты ж – распрекрасная душа.
Ведь славно мы здесь отдыхали,
Что про болячки я забыл,
Себя винцом, зная, подлечил,
Печали свадьбой все задули.
Теперь, Танюшечка, во Львов,
Наш путь теперь лежит таков.

XIV

– Давай же, папочка, машиной
Я вас до Львова повезу,
Не очень крепок всё ж ты силой,
Затем я в Киев заскочу.

– Но если так – не возражаю,
С себя обязанность снимаю
Я путь диспетчера держать,
Жена, не станешь возражать?

– Ой, расшутился, мой Ромаша,
Знать, точно свадьба помогла,
Что настроение дала,
И доля краше стала наша.

– Да то мне Поля помогла,
Своим радушием спасла.

XV

– Ой, сват, и я вас полюбила
За ваш открытый разговор,
И теперь свадьба нас сроднила,
Да детям даст она простор.
Я счастлива, что всё так ладно
И в душеньке моей отрадno.
Родней же я обзавелась,
И во Львов тропка повилась.
Мне грустно с вами расставаться,
Танюша очень хороша,
Такая добрая душа,
Сердечком буду к ней взываться.
К нам почаще приезжайте,
Коль не так что – не серчайте.

XVI

– Я также, Поля, очень рада,
Что познакомилась с тобой,
Здесь станет жить наша отрада,
Никола, мальчик наш родной.
И мне Луганск ваш приглянулся,
Что добротой распахнулся.
Народ прекрасный здесь живёт,
Шахтёрской удалью цветёт.
И вы к нам в гости приезжайте,
Мы будем рады видеть вас,
Во Львове хоть недобрый час,
Но всё равно вы нас зывайте.
Я думаю, лихо пройдёт,
И нас всех дружбой обовьёт.

XVII

– Да дай Бог! Это чтоб случилось,
А то ваш Львов бурлит рекой,
Чтобы беда не обострилась,
Мы чтоб не мучились душой.
– Ой, сваха, власти что-то мутят,
И так, и сяк пути всё крутят.
Народ не знает уж, как жить,
Куда тропиночки торить.
А власть карманы набивает,
Забыв про свой народ родной,
И не взывает их душой,
А всё раздором угнетает.
Но а всему придёт конец,
И выявится – кто подлец...

XVIII

– Ты что, Ромаша, так пугаешь,
Что аж на сердце тяжело,
И на нас страх ты нагоняешь,
Что грустью душеньку свело.
– Не нагнетаю, моя Таня,
А говорю всё без обмана.
Война же может к нам прийти,
Людей не будет сил спасти.
Ты посмотри на сына Мишу,
Такой смиренный он же был,
И русских он, как всех, любил,
А вот теперь снесло же крышу.
И сейчас тысячи таких,
Что убивают ведь своих.

XIX

– Ну, Ромаша, ладно, прекрати,
Давай сменим эту тему,
То Никола будет нас вести,
А ты чертишь злобы схему.
– То, Тань, не я зло рассыпаю,
Но ведь я сердцем понимаю.
Политику надо менять,
И людей дружбой согревать.
Зло не растить в сердцах народа,
Что болью тяжкою войдёт,
Да войну в доли вознесёт,
Пусть обовьёт Донбасс свобода.
Коль народ её желает,
Нехай по воле получает.

XX

– Пойдём же, Рома, уже спать,
Сколько ж можно говорить?
И тебя всё так вот убеждать?
Что нам пора, пора спешить!
Но Роме очень не хотелось,
Дум много в голове имелось.
И он желал их рассказать,
Чтоб облегченье сердцу дать.
Но спорить всё же не стал с женой,
А он Танечку послушал,
Да чуток ещё покушал,
И пошёл к жёнушке родной.
И с ней он быстро захрапел,
Ведь сон в покой взять повелел.

XXI

Но а наутро рано встали,
Бесед уж долгих не вели,
В дорогу вещи собирали,
И речь к погодушке свели.
А она была прекрасна,
Дождливостью ведь не опасна,
Солнце яркое сияло,
Настроение ласкало.
И вот в машину все же сели,
Да в поцелуях разошлись,
Что крепко снова обнялись,
И расставаться не хотели.
Но дом заботами зовёт,
И там родня уже их ждёт.

XXII

И во Львов их Коленька отвёз,
Через день уже явился,
И всё же отлично обошлось,
Путь удачей им сложился.
И бежит Коля на работу,
Всей свадьбы позади заботы.
И Вера трудится сполна,
Была счастливая она.
У них семья любви сложилась,
И нежностью она цвела,
Да лаской сердце обняла,
И всё, как надо, получилось.
Дни бежали за деньками
Бойкими любви шагами.

XXIII

А тут ещё большое счастье
Влетело бойко в дом родной,
Минует их любви ненастье,
И нет печали ни одной.
Даже, напротив, счастье смело,
Ласково да и умело
Укрыло милою волной,
И вестью радости большой.
Ведь Верочка ждала ребёнка,
Зимой должна она родить,
Чтоб матерью желанной быть,
То накупила распашонки.
И Коля тоже был же рад,
Став аж милее во стократ.

XXIV

Про радость ту родня узнала,
И свекровь радая была,
Ведь Танечке всё ж рассказала,
Ей новость ту передала.
Сваты душой были довольны,
И счастьем стали тоже полны,
Что будет внученька у них,
И радостью согреет их.
И на работе замечали,
Что живот у Верочки растёт,
И что она, как мак, цветёт,
И радоваться с нею стали.
А тут Анечка спросила,
Верочку она ж любила.

XXV

– Скажите, Вера, вы довольны
Своей дарованной судьбой?
Стезёю с мужем вы привольны?
Да и со всей его роднёй?
– Да, мужа сердцем я встречаю,
Я Колю очень обожаю,
Да и родню его люблю,
Посылочки им часто шлю.
И папа Рома меня любит,
Недавно приезжали к нам:
Он, мама Таня, брат Адам,
И все они меня голубят.
Всех я рада сердцем видеть
И стремлюсь, чтоб не обидеть.

XXVI

– А у меня, Вера, ненастье,
Всё ж с Саней в доме разлилось,
И потерялось наше счастье,
Да и в надежде не сошлось.
И грустно стало жить мне с Саней,
Уж лучше бы дружила с Ваней.
За мать ведь Саня всё грызёт,
Совсем покоя не даёт.
Что я плохо с мамой обхожусь,
Речь со свекровью не веду,
Иль с нею грубо говорю,
А то не в то я наряжусь.
Уж надоело так мне жить,
Развод мне б надо получить.

XXVII

– Ты ж с разводом, Ань, повремени,
Ни к чему же обижаться,
А ты лучше сердце распахни,
Дай ему в любви купаться.
Тётя Даша, знаю, хороша,
У неё прекрасная душа.
И ты сердцем перестройся,
Разводиться же побойся.
Ведь ни к чему, Аня, ругаться,
Ты душу ласкою раскрой,
И ты в неёпусти покой,
Да попытайся же обняться
Ты со свекровушкой родной,
Не будь сердечком ей чужой.

XXVIII

– Вер, мне сложно так себя вести,
Угождать я не умею,
Эту тяжесть не могу нести,
Коль не так – то я борзею.
– Но знаешь, что ты ведь не права,
То подари ты с ласкою слова.
Они ж с радостью взовьются,
И к тебе ж они вернуться.
А ты, Аня, зло в себе растишь,
И добро не расстилаешь,
Гонором себя ласкаешь,
Только злом свекровь не победишь.
А, напротив, руки свяжешь,
Да ненастью путь укажешь.

XXIX

– Верочка, спасибо за совет,
И я всё же попытаюсь,
И пробьёт, быть может, счастья свет,
Да в любви я покупаюсь.
И тогда шампанского куплю,
Да тебе я сердцем подарю.
– Ты ж не медли, сейчас неси,
И со свекровью посиди.
Мило расскажи ей про любовь,
Что её ты понимаешь
И её речам внимаешь,
И они согреют тебе кровь.
Вот так себя, Аня, настрой
И пожнёшь радость да покой.

XXX

– То хорошо, коль так бы стало,
И радость вновь ко мне пришла,
А то от ссоры я устала,
И вся надежда умерла.
– Как я сказала, всё вернётся,
И печаль лаской обернётся.
Лишь злу ты волю не давай
И мужа лаской укрывай.
Но всё, Аня, я уже спешу,
Меня мамуля дома ждёт,
Сегодня торт она печёт,
А я кошелек вот ей вручу,
Деньги чтоб туда вложила,
А не в сумках бы носила.

XXXI

И Вера быстрою походкой
Домой же с радостью пошла,
Была Веруся во всём стойкой,
Но зная беременность дала.
И потому остановилась,
Да Богу сердцем поклонилась,
Что ей Господь дитя послал
Да счастьем матери обнял.
И отдохнуть Вера решила,
Не так спешила уж домой
К Полине, мамочке родной,
Да к мужу, сердцем что любила,
Где он её давно уж ждал,
Но тортик есть не начинал.

XXXII

Поужинав, они решили
В саду немного погулять,
И путь любви объединили,
Сумели радостью дышать.
Где уже октябрь листья обрывал,
Своё настроенье воздавал,
Даря прохладный ветерок,
Что заяц мчался со всех ног,
Чтобы спрятаться в коре большой,
Где он уж зимушку встречал,
Туда кой-что понатаскал,
Но всё ж боялся он душой,
Что мороз грозный ведь придёт
И кору снегом заметёт.

XXXIII

Но а сейчас всё ж мило было,
И зеленью дышал весь сад,
И взор окутывался мило,
И листве дуб ещё был рад.
Но а рябина обагрилась,
За лето, верно, износилась.
И на ветру она качалась,
Печалью грустною слагалась.
Зато всё ёлка зеленела
И ветру подставляла грудь,
Зимы ей нравился же путь,
Ведь шубу на века одела.
Всегда прекрасная стоит,
И сердце зеленью пленит.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

Но вот уж и зима явилась,
Холодная она пришла,
Морозом крепким обнажилась
И с собой снега принесла.
Но а Майдан в лютую стужу,
Всю злобу вывернув наружу,
Он путь войны уж нагнетал,
К кровавой бойне призывал.
Ведь Янукович плохо правил,
У него власть пошла вразброд,
Где собирался разный сброд,
Правитель твёрдость ведь не славил.
Он то в Евросоюз вступал,
А то в Россию курс держал.

II

А на Майдане банда стала
Готовить злой переворот,
Америку она воззвѣла,
Что та дала банде оплот.
И банды в кровь врата открыли,
Своих же с жѣсткостью убили,
Чтоб войны зубы показать,
Люд злодейством напугать.
И Янукович очень струсил,
И свой народ душою предал,
Ему ж служить он обещал,
Да клятву верности нарушил.
Президент в бега подался,
А с народом не остался.

III

Но а золото схватить сумел,
О своём богатстве думал,
А встать чести грудью не хотел,
Тем он в души словно плюнул.
А войну бы мог предотвратить
И бедлам в стране не допустить,
Президентским твёрдым словом,
А не быть варёным пловом,
Что враз размазался от страха
Своей трусливою душой,
И стал Донбасс ему чужой,
Отдав люд гибнуть в муках мрака.
Вместо того, чтобы спасать,
Да от бандитов защищать.

IV

Но а Донбасс не струсил сердцем,
Собрался ополченцев строй,
И он к победе открыл дверцы,
И защищать Донбасс стал свой.
Шахтёры в строй вступали смело,
Защиту строили умело.
Батальон «Заря» воззвали,
И готовить танки стали.
Те, что в запáсниках стояли,
Ещё хранились и в полкáх,
Советских лет тая размах,
Вот тем себя и защищали.
С пути стойко не сходили,
Мудрость чёткую явили.

V

А Украина изощрялась,
Власти стала выбирать,
Она ж безвластием слагалась,
Не зная, как народ держать.
А народ, страхом напоённый,
Зимой без газа – разорённый,
Стал мёрзнуть, помощи просить,
Гурьбою в Польшу уходить.
И бедлам всё больше нарастал,
Ведь зима теплом не грела,
Жёстче жечь ещё хотела,
Да газ российский их всё ж спасал.
Украина не застыла,
А путь добра всё ж не открыла.

VI

И, наконец, зима кончалась,
А Вера дочку родила,
И радостью судьба устлалась,
Её Светланой назвала.
И Коля рад же был душою,
Игрался с дочкой золотою.
Так и маму ж Коли звали,
Но пути ж её повяли.
Ты ж помнишь, читатель дорогой,
При родах Света умерла,
Да Коле жизнь она дала,
Тем став навек ему родной.
Муж благодарен Вере был,
И дочь вдвойне он возлюбил.

VII

А Светлана славненькой росла,
Всем на радость развивалась,
И такой хорошенькой была,
Ведь и сидеть уже пыталась.
Улыбкой дивною взывала,
Всё напряжение снимала
Синеоким своим взглядом,
Что не удержаться рядом.
Её хочется бегом схватить
Да вверх подбросить хоть разок,
Но Верин слушая урок,
Лишь позволишь Светочку смешить.
Верочка её любила,
Дочкой очень дорожила.

VIII

И бабушка Полина крепко
Любила внученьку свою,
И всё высматривала метко,
Что приготовить поутру.
Ведь Вера реже уж кормила,
Молочком своим поила.
На работу ж она пошла,
К заботам – бабушка взошла.
Но Вера очень всё ж старалась
Со Светочкой побольше быть,
Своим вниманьем угодить,
Да время грозностью слагалось.
Хоть весна красой ласкала,
Да злей лаять хунта стала.

IX

Погром в Одессе учинила,
И в народ била не щадя,
Кровавый ужас сотворила,
Себя чем в бездну завела.
Она же в дом людей загнала,
Затем в него огонь метала.
Где люди начали гореть,
В огне все смертью пламенеть.
Из окон прыгать люди стали,
Бесстрашно с высоты лететь,
Надо ж такое зло иметь,
Ведь на земле их добивали.
Хунта стреляла всё в упор,
Жесточайший родив позор.

Х

Люди в страхе побежали
Вмиг с демонстрации домой,
А их бандеры догоняли,
Убивая хваткой злой.
И много люду здесь погибло,
Ведь зрелище здесь смерти было.
Мёртвые кругом лежали,
А кто полз – то добивали.
Ведь вот такое учинили,
Что били даже и детей,
Не жалея для них огней,
Где бой нацистов совершили.
В мирный час ведь хунта била,
Путь войны она открыла.

XI

И на Донбасс весной напала,
Злобней, чем тогда зимой,
Когда своих же убивала,
Там на Майдане в час лихой.
Хоть выбрали и президента,
А прежнего – уж песня спета.
Но Порошенко злобным был,
На хвост войны он наступил.
И войной начал люд травить,
Молодёжь в армию взывать,
Чтобы своих же убивать,
Да и вот такое говорить:
- Донбасс мы кровушкой зальём
И ополченцев разобьём.

ХII

Но а Донбасс душой взбодрился,
В атаку смело он пошёл,
И с трусостью он не сроднился,
И бой он с хунтою повёл.
А Порошенко, зло ругаясь
Да ядовито изощряясь,
Перед бандерами стоял,
И во всё горло он орал:
- Нашу Украину мы спасём,
А Донбасс мы весь разрушим,
Им покой мы там нарушим,
Да их до смерти быстро доведём.
Ведь пенсии их лишили
Да на голод посадили.

ХІІІ

И далее речь он продолжал:
– В Евросоюз скоро вступим,
Ведь нам и Обама обещал,
Что визу мы туда получим.
И мы все богато станем жить,
Да и ни о чем уж не тужить.
А пусть в Донбассе умирают,
В смерть душою поспешают.
Ведь дети в школы там не ходят,
Пускай в подвалах все сидят,
Да смерти в пасть нехай глядят,
Иль о пощаде нас же молят.
Наши ж – будут все учиться
Да с прилежностью трудиться.

XIV

Но Донбасс атаки отбивал,
Ополченцы не сдавались,
Донбасс храбрость миру показал,
Бойцы злу не покорялись.
Но много крови ведь всё ж лилось,
И бойцов много не спаслось.
На смерть здесь они стояли,
Ни на пядь не отступали.
За свой Донбасс ведь стойко бились,
Что и не жалели жизни путь,
Стремясь свободу распахнуть,
И в боях храбрости учились.
Но грусть всё же ведь гуляла,
Смерть безвинных настигала.

XV

Всё в больницы раненых везли,
Часть в дороге умирало,
Ведь людей же многих не спасли,
Сердце отчего страдало.
Сегодня много тож народа
Из воевавшего там взвода
В больницу к Вере привезли,
Где мест почти уж не нашли.
А раненых всё пребывало,
И клали прямо их на пол,
Или на самодельный стол,
Уж сил у Верушки не стало.
Целый день она ж трудилась
И спать ночью не ложилась.

XVI

И решила хоть чайку попить,
Но вновь мальчонку привезли,
А ему хотелось очень жить,
Что час назад в лесу нашли.
И он кричал: – Вы помогите,
Прошу вас, вы меня спасите,
И не бросайте одного,
Бинтом обвейте вы всего.
Потом домой вы отвезите,
Мою ноженьку пришейте,
Боль нещадную развейте,
И мою ручку возвратите.
А то ж как я буду жить
Да в ополчении служить?

XVII

К нему Вера молча подошла,
Сделать ведь укол сумела,
Чем шок с мальчоночки сняла
И спасти его хотела.
А мальчонка вновь в бреду кричал,
Всё на помощь маму свою звал:
– Мапочка, милая, приди,
Меня отсюда уведи.
Как же без меня ты станешь жить?
И кто даст воды напиться?
Ведь не можешь ты спуститься,
И кто станет дров тебе носить?
Ты ж ведь ножку потеряла,
Война злобная забрала.

XVIII

Долго мальчик мамочку взывал,
Но голосочек тише стал,
А затем и вовсе замолчал,
И смерти час его настал.
И Верочка над ним рыдала,
Войну-злодейку проклинала,
Что не смогла его спасти,
И в морг пришлось ведь отнести.
А в морге мёртвых уже много,
У многих документов нет,
Угас навек им жизни свет,
И нет прощального им слога.
И на погост же не снесли,
Похоронили у сосны.

XIX

Ведь же неустанно враг громил,
На погост не дал отправить,
По жителям жёстко всё бомбил,
Злостью чтоб себя восславить.
Луганск от бомб весь содрогался,
От взрывов стойко отбивался.
Но твёрдо на ногах стоял,
И город свой врагу не сдал.
Хоть не было ни света, ни воды,
Голод крылья уж расправил,
След кровавый он оставил,
Где и смерти были впереди.
Порошенко ведь старался,
С наслаждением в зле купался.

XX

Желая Донбасс весь извести,
Своих братьев убивая,
И бой средь ночи развести,
Злым пожарищем пылая.
И тысячи людей осталось,
Где сердце горюшком слагалось.
Но всё ж спасли Донбасс они,
Ведь были доблести полны.
Хоть очень душенькой страдали,
Живя без крыш над головой,
И в поле битвы огневой,
Где жизни смерти отдавали.
За свой Донбасс, душе родной,
И путь свободы дорогой.

XXI

И в ополченцах Коля бился,
Луганск он стойко защищал,
Под Новосветловкой сразился,
И громить грозно врага стал.
Ведь же судейство он оставил,
И бригаду он возглавил.
И туда же Саня, друг, вошёл,
Да всегда рядом с Колей шёл.
А Ваня со своей сноровкой
Умел отлично бой держать,
И путь военный рассчитать,
Своей отлаженной уловкой.
Про него бойцы ведь знали,
И с ним стойко воевали.

XXII

Под Хрящеватым ведь сражались,
И он врага там уложил,
Бандиты как не изощрялись,
Его ж отряд хунту разбил.
А часть всё ж в плен к нему попала,
Да о пощаде молить стала.
Иван расстрел им не чинил,
Но строго с ними говорил.
И их спросил: - Зачем пришли?
И Донбасс вы наш бомбите,
Победить вы нас хотите?
Да вот силой вы не подошли.
Шахтёрский дух вам не сломать,
Мы насмерть будем здесь стоять.

XXIII

И враги судорожно дрожали,
Но один выступил вперёд,
Сказав: – В другом нас убеждали,
Что тут злодей-народ живёт.
Я воевать не призывался,
И в бой я б тоже не ввязался,
Но нас нацики толкают,
Коль не идём – в нас стреляют.
Но чинить смертей я не хочу,
Не для этого родился,
И не этому учился,
Мне убивать своих не по плечу.
В стране ж вместе все мы жили,
И друг друга мы любили...

XXIV

– Так что ж теперь ты будешь делать?

Ведь в Украину отошлём,

А там куда ты станешь бегать?

И там тебя мы не спасём.

– Да лучше пусть меня застрелят

И там могилу мне отмерят,

Но не буду я стрелять

И своих братьев убивать.

Ведь это ж грех большой вины –

Войну гражданскую вести,

Чтоб мирных граждан извести,

Но это всё ж от сатаны!

И я не стану убивать,

Чтоб в ад душою не попасть.

XXV

Задумался Иван душою,
Подумал: «Тяжкая беда,
Когда ты сделалась такою?
Иль в людях ты была всегда?
Что злом себя вон отравили,
А жалость в море утопили?
Но такие оказались,
Что душой сопротивлялись.
И не хотят братьев убивать,
За это в землю их зарыть?
Чтоб людей страхом напоить,
И чтоб их в злодействе воспитать?
Так фашисты поступали,
Своим в спины же стреляли».

XXVI

Иван долго сердцем размышлял,
Спать совсем ведь не хотелось,
И он тихим голосом сказал:
– Когда ж власти совесть съелась?
Мне, Виталий, это разъясни,
Когда люд объелся белены?
Что власть смогла так натравить,
Что народ стал своих же бить.
И с таким вот злом в Донбасс прийти,
Нельзя ль добром было решить,
Чтоб людям горе не чинить,
А честно ж обязанность нести?
Ведь власть обязана творить,
Чтоб всем легко нам было жить.

XXVII

– Вань, хитрый же президент пришёл,
Он людям головы вскружил,
Для себя богатый путь нашёл,
А народ сказкой накормил.
И они поверили ему,
Этому лукавому жиду.
И не знают, что ж чинят?
И благо для кого творят?
Но всё ж, народ, Ваня прозреет,
Хоть много сделает он бед,
Укроет горем белый свет,
Но излечить боль всё ж сумеет.
И президента проклянёт,
Хоть в путь иной уж он уйдёт.

XXVIII

– Виталий, какой же он подлец,
Что так зло народ вот гробит!
И не чтит народа он венец,
Ведь люд ему ничто не стоит!
А могли б проблему же решить,
Наши беды запросто скосить.
Дать Донбассу то, что просит,
Убрать боль, что в сердце носит.
Ведь Донбасс же хочет мирно жить
Да в вославушку трудиться,
И душою не лениться,
Да по-русски сердцем говорить.
И чтоб самим пути верстать –
Придатком США чтобы не стать.

XXIX

– И поэтому мы, Ваня, здесь,
Вот окопы согреваем,
За что кошмар терпим этот весь,
Да Донбасс свой защищаем.
И его врагам не отдадим,
За него мы грудью постоим...
Вдруг беседа прекратилась,
Бомба снова порезвилась.
И бой тут страшный разгорелся,
Лутугино стремясь отбить,
Чтобы Луганск весь захватить,
И город в чад огня оделся.
И бойцов много здесь легло,
Поникло Вáнюшки чело.

XXX

Здесь был Виталий тяжело ранен,
Его в больницу повезли,
И он в подвале был оставлен,
Ведь мест других же не нашли.
И он стонал от злобной боли,
Что вмиг лишила его воли.
К нему сестричка подошла
Да врача Веру позвала.
И Вера быстро осмотрела,
Прошила пуля ему грудь,
Что тяжело былодохнуть,
И жить недолго повелела.
Виталий умер на столе,
Отдав себя этой войне.

XXXI

А за окном и среди ночи,
Всё бомбы рядышком рвались,
Ополченцы ж, что было мочи,
За свой родной Луганск дрались.
И вот снаряд упал на крышу,
Нашёл позлобнее он нишу,
И часть больницы развалил,
Да больных смертью придавил,
И персонал лежать остался,
Один в развалинах стонал,
Фашистов злобных проклинал,
Народ живых спасать воззвался.
И камни быстро разбирали,
Всех лежавших доставали.

XXXII

И Анюту Вера здесь нашла,
Она в ранах вся лежала,
И её на руки вмиг взяла,
Аня ж глаз не открывала.
И Вера горестно рыдала,
К себе Анюту прижимала,
Да Аня мёртвая была
И в Царствие небес ушла.
И среди ночи Вера Аню
В слезах к свекрови понесла,
Но её дома не нашла
И позвала соседку Фаню.
Утром Саню разыскали,
Хоронить Анюту стали.

XXXIII

Во дворе тоже схоронили,
На кладбище ведь рвался бой.
И панихид ведь не служили,
Молились сами за покой.
Похоронив, Вера простилась,
Слеза из глаз Сани катилась,
И его Вера обняла,
Да жить всё ж Саню воззвала:
– Не рыдай же, Саня, дорогой,
Что смерть Анюту забрала,
Подружкой ведь моей была,
Да осиротели мы с тобой.
Но надо жить и бой вести,
Ну всё... Ты, Сань, меня прости...

XXXIV

Вера уставшими шагами
Домой тихонько побрела,
И пряталась она местами,
Коль рядом бомба взрыв вела.
И в подвал к маме опустилась,
Где мама спать всё не ложилась,
Всю ночь же доченьку ждала,
Да Вера грустная пришла.
Ей дочка обо всём сказала,
То, что Анюта умерла,
Что средь камней её нашла,
И в слезах к матери припала:
– Прости, мне тяжело говорить,
Хочу одна я чуть побыть...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

Клонилось лето уж к закату,
Враг злобно в День Шахтёра бил,
Веселью не было раската,
А этот день Донбасс любил.
Снаряды всюду разрывались,
И болью в сердце все взывались.
А враг всё крови добавлял,
И людей мирных убивал,
Где детишки были, старики,
Беспомощные, больные,
Голодные, чуть живые,
А не военные же стрелки.
Да они же в них стреляли,
Сотнями уничтожали.

II

И домов множество сгорело,
Лишь **б**остовы одни стоят,
Их все пожарищем поело,
И они грустью лишь глядят.
Но а Донбасс всё ж не сдавался,
Нáвыками обогащался.
Россия помощь ведь дала,
И голод тяжкий извела.
И гумконвой возил продукты,
Муку, консервы – все подряд,
Чему народ был очень рад,
А детям иногда и фрукты.
Донбасс сердцем оживился,
И к победушке стремился.

III

Вере было, чем больных лечить,
Ей лекарства привозили,
Всем Россиюшка смогла снабдить,
И Донбасс обогатили.
Ведь легче стало жить народу,
И, невзирая на погоду,
Газ Россия подавала,
Да и светом ведь снабжала.
Донбасс выстоял, окреп душою,
И силы крепкие собрал,
Да и врага в кольцо загнал,
Идя дорогою большою.
Где бой смертельный врагу дал,
Победным счастьем засиял.

IV

И под Дебальцево сразился,
Да стал врага уничтожать,
Донбасс уменьем изловчился,
И вновь в кольцо стал загонять.
Что вслух фашисты завопили,
И они мира запросили,
Ведь здесь их тысячи легло,
Навек пристáнище нашло.
И на перемирие пошли.
Воевать уж не хотели,
Дальше сунуться не смели,
Но а в злобность сердца всё ж вошли,
Да исподтишка стреляли,
И безвинных убивали...

V

Но население смело стало
И на работушку ходить,
И вновь сердечко ведь воззвало
Заводы, фабрики любить.
Хотя разбитые все были,
Чем и печальный взор явили.
Но вновь всё же создавали,
К жизни снова призывали.
И власть Донбасса ведь сумела,
Пути решения нашла,
К проблемам сердцем подошла,
Материалом овладела.
И народ кругом поднялся
Да трудиться он старался.

VI

И вновь стали денежки платить,
По труду – что причиталось,
И уж начал лучше народ жить,
И, как надо, всё слагалось.
Вот и сегодня Вера с дочкой,
Была девчушкой Света бойкой,
Пошла на улицу гулять,
А дочь пыталась уж шагать.
Да вдруг в снежок Света упала,
А мама дочь стала ласкать,
Да поцелуем ублажать,
Что плакать Света перестала.
А тут они пошли домой
К бабулечке своей родной.

VII

А баба Поля их уж жд́ала,
Любила Светочку свою,
И кормить кашкою их стала,
Из воска запалив свечу.
– А что ты грустная такая,
Верусечка моя родная?
На работе что ли беда?
– Да нет, ма, там ведь как всегда.
К нам всё тяжких раненых кладут,
Они почти не говорят,
Порой в беспамятстве кричат,
Многих же, мама, без ног везут.
Сегодня двух аж принесли,
Да одного лишь мы спасли.

VIII

– Перемирие ж подписали!
Вера, а что ж они творят?
Вон и вчера рапортовали,
Что воевать уж не хотят.
– Да ночью бой был под Станицей,
И полегли наши на границе.
Бандеры мира не хотят,
И тайно зло в наших палат.
В жилой массив вчера пуляли,
Там снова много полегло,
Ведь дома напрочь разнесло,
И жителей порасстреляли.
Такой вот, мама, мир сейчас,
А Киев брешет каждый час.

IX

– Доченька, но как же нам-то жить?

Будто бы договорились,

А любого могут нас убить,

Почему же так случилось?

– Вот о том и я же говорю,

Отчего и душенькой скорблю.

Всё ж стало ладиться у нас,

И есть ведь свет, вода и газ.

А всё это бесит главарей,

И они войны желают,

Да исподтишка стреляют,

Ведь она им матери родней.

Они ж транши получают,

Да богатство – что скрывают.

Х

– Какой же Порошенко подлый,
В Америке за мир орёт,
А здесь диктует путь нам скорбный,
И вновь к войне же ведь зовёт.
– Да, мама, двойной он человек,
Только и его ждёт скорбный век.
Похоже, пьяницей он стал,
А для него – большой скандал.
Ему же бандеры не простят,
Что надежды их он косит,
Потому и мир не просит,
Они ж раздор в стране хотят.
И жить Донбассу не дают,
Но к миру всё-таки придут.

XI

– Скорей, дочка, мир бы к нам пришёл,
То так жить уж мы устали,
Хотим, чтоб покой же нас нашёл,
И чтоб мы не воевали.
Вера, а что о Коле ты молчишь?
Ничего о нём не говоришь.
– А что мне, мамочка, сказать?
Всё не могу никак узнать.
Лишь один больной мне говорил,
Что в разведке Коля служит,
Но с ним близко он не дружит,
Вот мне такую он весть явил.
Ещё сказал: «Коля живой,
И скоро он придёт домой».

ХП

– Однако, долго Коли нет,
Недель много ж пролетело...
– Может, скоро нам дадут ответ,
Дозвониться я сумела.
Наверно, Ваня к нам придёт,
И, надеюсь, весть нам принесёт.
Всё про Колюшку расскажет,
И покой нам в душу ляжет.
Дай же Бог, а то я зажда́лась,
Да и Светочка скучает,
Вон «па-па» уже слагает,
Хочу, чтоб встреча скорей сбылась.
Тогда Колю смогу обнять
И ему всё порассказать.

ХІІІ

Но напрасно Ванюшу ожидали,
Ведь Ваня так и не пришёл,
Неожиданно его воззвали,
Где он команду в бой повёл.
То вновь бандеры в бой вступили,
Отбить селение решили.
Бой кровавый завязался,
Навек Ваня там остался.
Хоть сумел врагов он отразить,
И там их много полегло,
Своей познав крови тепло,
Да пришлось и наших хоронить.
Но а рубежи не сдали,
Для Отчизны отстояли.

XIV

И всё ж головой Донбасс не ник,
Хоть перемирье враг срывал,
Но сам же врезался он в тупик,
Донбасс бандеров побеждал.
Но президенту всё неймётся,
Он даже в армию несётся.
Вновь призывы объявляет,
Хоть душою точно знает,
Что армейцы драться не хотят,
И ему они не верят,
А в Россию путь всё мерят,
И туда сбежать всё норовят.
Что бандеры сердцем злятся,
Нацики хотят сражаться.

XV

Особенно во Львове злобно
Всё правосеки когти рвут,
Сепаратистов бьют привольно,
Даже и тех, что там живут.
Там оттого Таня страдает,
За Верой, свахою скучает,
Но всё ж их в гости не зовёт,
Боится, что сынок убьёт.
Её ж Миша словно озверел,
Он к Донбассу зло настроен,
Стал бандеровский он воин,
И кроваво бить Донбасс хотел.
И он следить за Колей стал,
К нему разведку подослал.

XVI

И Колю ночью подвели,
После боя он шёл домой,
Стремглав в багажник поместили
И повезли во Львов родной.
И вот полгода там уж держат,
Где его всё повесить бредят.
Но всё же начали пытаться,
Информацию извлекать.
Этим брат Миша занимался,
Пытки адские устроил,
Днём и ночью не покоил,
С остервененьем упражнялся.
Но стойко Николай молчал,
И он своих не выдавал.

XVII

Михаил решил усилить боль,
Коле раны в спине делал,
В них с остервененьем сыпал соль,
Что аж радостью повеял.
И бил, топтал его ногами,
К стене прикручивал болтами,
Водой холодной обливал,
Коля сознание терял.
Потом он ставил Колю в стойло,
Да так, чтоб там он и не спал,
Его он в холоде держал,
Влив в рот отравленное пойло,
Что Коля стал словно скелет,
Но так и не дал он ответ.

XVIII

Однажды всё ж Николай спросил:
– Почему такой ты злобный?
Скажи мне, я разве нахамил?
Что ко мне такой недобрый?
Ты ж, Михаил, мой старший брат,
И я видеть, Миша, тебя рад.
Ты вспомни – вместе ж мы росли,
Одной дорогою мы шли,
А тебя словно подменили,
Ты вон какой же злющий стал,
Как будто разум потерял,
Чем, брат, тебя так опоили?
Что ты с рельсов вон сошёл,
На путь садистский же взошёл.

XIX

– Замолкни ж, гад! А то убью!
Не зови меня ты братом!
То я живым тебя сожгу!
И будет встреча тебе адом!
Ты помнишь, как меня ты бил,
Когда же ко мне ты приходил?!
За отца ты заступался
И со мною дерзко дрался.
Ты меня ударил сильно в грудь,
От удара я свалился,
Потом, правда, изловчился,
И тебе на выход дал я путь.
– Но ты ж отца чуть не убил,
И за него я отомстил.

XX

– А теперь же мой черёд настал,
Я в цветок тебя разделал,
Краской вон ты разной засиял,
Портрет красочный я сделал.
Правда, зубы вон ещё стоят
И как-то зло на меня глядят.
Но их я завтра полечу,
По ним кувалдой постучу.
А сегодня дам тебе пожить,
Ишь, какой к тебе я щедрый,
Хоть ты сердцем очень вредный,
И за это завтра буду бить.
Ты ж сепаратистик знатный
И москаль, предатель статный.

XXI

– Михаил, я знаю, что убьёшь,
Прошу – дай не в назиданье,
С мамой, папой времечко найдёшь,
Разреши с ними свиданье?
– Смотри-ка, чего ты захотел?
Ты случайно белены не съел?
Встреч с тобой им никак не дам,
Здесь тебе тюрьма аль бедлам?
Вот расскажи про своих друзей,
Чего они сейчас готовят?
И какие цели строят?
И ты будь, Микола, поумней.
Может, я и дверь открою,
Коль ад москалям устрою.

XXII

– Ну, что я могу сказать?
Я ж не президент великий,
И я мало ведь могу что знать,
Я ж боец совсем безликий.
Хожу со всеми я в траншеях.
И не рождаюсь я в идеях.
Куда скажут – туда палю,
А больше дома с дочкой сплю...
– Ну, тебе хватит приbedняться,
Ты ж командир, а не боец,
А ты лукавишь вновь, стервец,
Не хочешь правдою слагаться.
Тогда и встречи тебе нет,
Такой тебе даю ответ.

XXIII

Николая отвели в подвал,
Где ни стоять, ни сесть не мог,
И в душе Коля молиться стал,
Чтобы ему Господь помог.
Снести все боли неземные,
Что ему стали роковые.
Ведь так болела его грудь,
Что еле Коля могдохнуть.
Но вновь о Верочке он вспомнил,
Да в мыслях Свету обласкал,
Как из больницы забирал...
Мозг снова душеньке напомнил,
Как здесь до боли их он ждёт,
Да знал, что встреча не придёт.

XXIV

Но вдруг шум какой-то услых^ал,
К решёткам Колюшка подполз,
Сокурсника там он увид^ал,
И взором в Василя он врос.
Ведь с ним когда-то же дружили,
Вместе на вечеринках были.
И сейчас Колю он приметил,
Зн^аком сдержанно отметил.
И пошёл к Тане весть сообщить,
Он по соседству с нею жил,
В гости иногда ходил,
И сейчас быстро решил прибыть.
– Я рада, Вася, что пришёл,
Ты словно солнышко взошёл.

XXV

– Да я, тётъ Таня, Колю видел,
А он ведь в СБУ сидит,
Простите, речью коль обидел,
Но он по-зверски там избит.
Ваш Михаил его пытается,
Что Николай весь изнывает.
Пойдите завтра вы к нему,
Не говорите никому
То, что это вам я рассказал,
То Миша меня посадит,
Или воевать отправит,
Я ж к себе больную маму взял.
У неё никого ведь нет,
Я для неё – весь белый свет.

XXVI

– Спасибо, Вася, что весть ты дал,
Хоть от неё и сердце ноет,
Но надеждою меня обнял,
Да в ней тяжесть боли стонет.
Я, Вася, завтра ж туда пойду,
И, быть может, Колю там найду.
Миша о том же ведь молчит
И ничего не говорит.
Да он, признаться, к нам не ходит,
И дикий, злобный Миша стал,
Что он за яд в себя впитал,
Что путь к родным он не находит?
И отчего сердечко рвёт,
Ведь Миша стал как идиот.

XXVII

Дождавшись утра, Таня стала
Всем сердцем в СБУ спешить,
Мишу настойчиво воззвала
И ему стала говорить:
– Я хочу с Колей повстречаться,
Ведь с ним я рада пообщаться.
– Но здесь же Николая нет,
Где ты взяла такой вот бред?
– Но, Михаил, я ж точно знаю,
В подвале Николай сидит,
Его наверно там знобит,
Ведь я душой о нём рыдаю.
И я отсюда не уйду,
Пока с ним встречи не найду.

XXVIII

– Тогда придётся здесь долго быть,
Сюда Коля не являлся,
Мог бы весточку тебе вручить,
Что сюда во Львов примчался.
– Миша, не юродствуй, он же брат!
– Коля – подонок, ползучий гад!
И его знать я не хочу!
Я его в прах измолочу!
– Ну кто ж тебя так, сын, настроил,
Что матери отказ даёшь?
И что ж такое ты несёшь?
И что же с Колей ты устроил?
– Уйди! Вас видеть не хочу,
Теперь вы мне не по плечу.

XXIX

– Но, Михаил, сердцем я прошу,
Ты воздай мне с Колей встречу,
Ведь о нём я боль в душе ношу,
Мать ему ж – тебе замечу.
Услышь меня же, сжался, Миша!
– Твоя тогда снесётся крыша,
Когда увидишь ты его,
Разукрашенного всего.
Но всё ж Колю приказал ввести.
Руки Миши задрожали,
От злобности, видать, устали,
Ведь он решил все счета свести.
– Ну, глянь на счастье ты своё
Да на мучение моё.

XXX

И вот Колю в кабинет ввели,
Танечка к нему припала,
Её ж быстро на диван снесли,
Где сквозь слёзы она зывала:
– Миша, отпусти Колю домой,
Ты видишь, какой же он больной?
А то ведь Колюшка умрёт.
– Но он пощады не найдёт!
Пусть здесь твой Коля и сдыхает,
Твой же любимчик дорогой
С предательской, гнилой душой,
Что нечистью уже воняет!..
– Ты его, Миша, мне отдай,
Умрёт хоть дома он пускай.

XXXI

– Ишь, что, мамуля, захотела,
Его чтоб дома откормить,
И излечить чтобы сумела,
Затем на волю отпустить.
Вот когда он сдохнет, то отдам,
Чтобы здесь не видеть этот срам,
Но его б тайно погребла,
А народ чтобы не звала.
Иначе здесь я закопаю,
Иль разрубаю на куски,
Чтобы собаки разнесли,
Вот такой сказ тебе слагаю.
– Ты чудовище! Сатанист!
Падший, уродливый нацист.

XXXII

Таню под руки подхватили,
Из кабинета увели,
Через три дня всё же сообщили,
И Колю мёртвым привезли.
Они с Романом схоронили,
Со Светой рядом положили.
Сражённые до глубины,
Что зла бандеры так полны.
И среди них их сын взывался,
Такой яростью звериной,
Льётся что она лавиной,
Что в них осадок зла остался.
Ведь Мишу прóкляли они,
Зажглись печали в них огни.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

Уж осень стужей опустилась,
Ноябрь листочки разбросал,
К могилке ивушка склонилась,
Где Коля с мамою лежал.
Сюда вновь Танечка с Романом,
И словно бы в сердцах с изъязном,
Припали скорбностью к кресту,
Стояли молча на ветру.
Но вновь Танюша зарыдала,
Шепча: «Прости же ты меня,
Сестричка милая моя,
Видать, не так я воспитала.
Ведь Миша словно дьявол стал,
И смертью Колю он обнял».

II

– Здесь нет твоей вины, Татьяна,
Война то злобу принесла,
И подарила столь обмана,
Что к бесовщине привела.
Людей отравой напоили
Да ложью горькой накормили.
Национализм – взрастили,
Бандеровщину – впустили.
И этим души заболели,
А боль же слабых в плен взяла,
В них ярость зло она внесла,
А зверства доброту изъели.
И любовь война ж убила,
Сотни тысяч загубила.

III

– Наверно же ты, Ромаша, прав,
Как-то я вся разболелась...
– Таня, давай встанем среди дубрав,
Гляжу, слабо ты оделась.
– Да нет, Рома, одета я тепло,
То счастье, видать, от нас ушло.
И уже не светит бойко нам,
Пошло оно к чужим местам.
И нет ведь Колюшки уж с нами,
В могиле он сырой лежит,
Хоть и лампадочка горит,
Да не горит Коля речами.
И уже вечно сынок спит,
Да боль вины меня казнит.

IV

– Но давай, Таня, мы сообщим,
Колю что похоронили,
Почему с тобою все молчим?
Ведь враги ж его убили...
– Но не знаю, как же говорить?
Да может весть эта же сразить?..
Иль Вера явится сюда,
Вновь, Рома, к нам придёт беда.
Её ж схватят и в тюрьму запрут,
А как там внучка будет жить?
За мамой станет же тужить –
То ещё здесь Верочку убьют.
Ведь в списках СБУ она,
Смерть может ждать её сполна.

V

А Вера дома тосковала
И Николая всё ждала,
По всей границе всё искала,
Но Колю так и не нашла.
Спросить у многих всё пыталась,
Но утешенье не слагалось.
Друзей всех поубивало,
Сани, Вани уж не стало.
В сырой могиле они лежат,
Нет ни Ани и не Дины,
А вчера не стало Зины.
Уж вечным сном друзья все спят...
Что ж ты наделала, война?
Вползла в Донбасс как сатана...

VI

Но всё ж в больницу меньше стали
Израненных теперь возить,
Вновь к перемирию воззвали,
Но враг стремился всё ж бомбить.
И вновь в жилой массив стреляли,
И вновь безвинных убивали:
Убили Лену, мать и дочь,
И Пете некому помочь.
Десять дней в подвале он сидит,
Голодный, грязный и больной,
Для всех стал Петенька чужой,
Мир ему ведь счастьем не звенит.
В тряпье он рваное залез,
И, кажется, навек исчез.

VII

Но вот старичок в подвал зашёл,
Чтобы немного хоть согреться,
И здесь кучу тряпок он нашёл,
В них хотел дедок одеться.
И он к лохмотьям наклонился,
Дитя увидев - изумился.
А мальчик тихо застонал,
Но никаких слов не сказал.
И старичок на стужу вышел,
Где уж январь украсил путь,
Снег ветерком стремясь раздуть,
Что голос свой дедок не слышал.
Да здесь Вера проходила,
И его она спросила:

VIII

– Вы, кажется, кого-то звали?..
– Спасите, мальчик там лежит,
Ведь дни суровые настали,
А мальчик там, похоже, спит.
Вера быстренько в подвал сошла,
Да она там Петеньку нашла.
И к груди его прижала,
Домой душенькой возвала.
И чаем сладким напоила,
Растёрла спиночку и грудь,
Облегчила дыханья путь,
Да потеплей его укрыла.
И долго Петенька поспал,
Что аж наутро только встал.

IX

И его Верочка спросила:
– Как в подвале оказался?
И как же мама отпустила?
Ты ж чуть с жизнью не расстался.
– А мамочки нет ведь у меня,
Да и в доме нет теперь огня.
И бабушку они убили,
И сестрёнку схоронили,
Когда бой внезапный у нас взвыл,
Нас в саду ещё держали,
И домой не отпускали,
Взрыв в этот час и наш дом разбил.
В нём мама, бабушка была,
Да и сестра там смерть нашла.

Х

– А мама же в Москве трудилась?
– Недавно прибыла́ она,
И всё в дорогу торопилась,
Ведь денег было уж сполна.
И мама Людочку хотела,
Ведь разрешение уж имела,
На операцию везти,
Сестрёнке жизнь чтобы спасти,
Да все вместе в доме полегли...
Как же жить я, Вера, стану?
Я без них один завяну,
Навек родимые ушли...
Поэтому в подвале жил,
Где уж дней пять не ел, не пил.

XI

И стал горько Петенька рыдать,
Слёзы по лицу бежали,
Сестру, маму с бабушкою звать,
А сквозь слёзы слова зывали:
– Меня вы, Вера, не гоните,
Я вас прошу, меня спасите,
Ведь мне же некуда идти,
Чтобы спасение найти.
Я буду очень ведь стараться,
Стану со Светочкой играть,
И, как сестру, её ласкать,
И буду вам я подчиняться.
Всем сердцем стану обожать,
Вас мамой буду называть.

ХII

Тут уж и Вера разрыдалась,
Прижала Петеньку к груди,
И слёз бежавших не стеснялась,
А сказала: – Не уходи.
Живи здесь с нами, Петя милый,
И будешь ты сынок любимый,
И не позволю обижать,
Жизнь вместе сможем мы создать.
Изгоним проклятую войну,
Папу Колю с тобой встретим,
Его путь искать наметим,
Всё, мой мальчик, я с тобой снесу.
Тебя не брошу я, сынок,
Дай, поцелую хоть разок.

ХІІІ

Вера Петю крепко обняла,
Наплакавшись, все ж поели,
Светочка к Петруше подошла,
И играть захотели.
Полина тож не возражала,
И Петеньку собой возвала,
Но всё же грустная была,
В груди печалюшка росла.
Она про Колю всё ведь знала,
Что он давно уже убит,
И вместе с мамочкой лежит,
Ведь всё ей сваха рассказала.
Она не знала, как ей быть,
Как всё доченьке сообщить.

XIV

И уж к весне Вере сказала,
Во Львове Коля что убит,
Веру к терпенью призывала,
Да дочку горюшко знобит.
И Вера долго проболела,
Печаль нещадно её ела,
Что чуть живая уж была,
Но всё же боль перенесла.
Детишки же её ласкали,
Петя, как мог, всё ублажал,
Ей всё чаёчек подавал,
Со Светочкой букет нарвали.
Мамочке его вручили
И боль в сердце победили.

XV

И вышла Вера на работу,
Трудилась Верочка сполна,
На себя взвалив заботу,
Но не жаловалась она.
А тут вдруг болью разрыдалась,
Печалью в сердце разостлалась,
Ведь фотографию взяла
И на ней Колю обняла.
Ведь очень Колюшку любила,
Красивый, видный он же был,
Да на руках её носил,
А вот война всё погубила.
Да тут к ней мамочка вошла,
И её мысли прервала.

XVI

– Веруся, что ты загрустила?
Печальная опять стоишь,
Плохие вести получила?
И как-то горюшком глядишь...
– Да, мама, очень Колю жалко,
Мне с ним, родная, было сладко.
Вот и за ним душа болит,
Да сердце мукой голосит.
Ну, зачем ворвалась к нам война?
Столь людей поубивала,
Смерть нещадную возвала,
Ведь проклятьем выльется она.
Тем, её что возрастили,
Да в крови народ топили...

XVII

– Да уж третий год война всё бьёт,
Доченька моя родная,
Но, может, скоро конец придёт?
Боль исчезнет роковая?
Как ты, Вера, мыслишь, расскажи,
И свои мне думы изложи.
– Не знаю, мама, что сказать,
Ведь Киев стал всё извращать.
Но мы ж Донбасс отвоевали,
Создав Республики свои,
Выдержали за них бои –
Республикой Луганской стали.
Мы ж на земле своей живём,
Свою Республику спасём.

XVIII

– Донецкая Республика ж есть,
Её тоже отстояли,
Верочка, там какая весть?..
– Вчера снова нападали.
Вновь погибло много там людей,
И Киев бил мощью всей своей.
Всё безвинных убивают,
Среди ночи нападают.
– А Запад, дочь, словно не видит,
Что власть здесь в Киеве творит,
Про преступления молчит,
За что ж нас Запад ненавидит?
– За то, к России что идём,
И к ней мы сердцем путь же вьём.

XIX

– Дочь, что ж нам Россия не поможет,
Чтоб Украину победить?
Россия своей силой сможет
Всю прыть её огнём спалить.
– И так Россия нас спасает,
В тяжёлый час нас не бросает.
Нас без неё давно б сожгли,
И здесь бы все мы полегли.
Сейчас «Азовцы» вновь вон стали
Всё злей безумствовать, орать,
И своих в тюрьмы ведь сажать,
И непокорных бить воззвали.
УПА стала маршировать,
Вновь на Донбасс стремясь напасть.

XX

– Что?! Как в четырнадцатом – хотят,
Бомбить нас не прекращая?!.
– Но у нас на блокпостах стоят,
И разведка боевая.
Мама, заранее сообщат
И подымут боевой набат.
Нас Россия не оставит,
Мощью нациков подавит.
Она нас в обиду не отдаст,
Русских своих не бросит,
На Киев петлю набросит,
И врагов возмездию предаст.
Сколько же можно их прощать?
Позволять русских убивать?..

XXI

– Как украинцы на то смотрят?
Дочь, воевать они хотят?
– Призывники, ма, справки носят,
И как сбежать бы всё глядят.
Простые люди ведь прозрели,
Очиститься душой сумели.
И поняли же, наконец,
Что хотят власти ведь венец,
Который богатство им несёт,
Да и защиту от народа,
А люд не ждёт совсем свобода,
Им голод да нищету даёт.
И люди войну не звали,
Зря народ ведь убивали...

ЭПИЛОГ

И я против злобной сей войны,
Она безумье, боль несёт,
Где все люди горюшка полны,
Ведь война и безвинных бьёт,
Что я в романе написала,
И всё, о чём вам рассказала.
То это толика беды,
Где в ней осколки лишь видны.
Ведь я же всё время здесь жила,
И война меня бомбила,
Да осколками знобила,
Людским горем, болью обняла.
Где дом мой также пострадал,
Без окон и дверей стоял.
И возле меня снаряд упал,
А я чудом уцелела,
В этот час Господь меня воззвал,
О войне б сказать сумела.
Как люди жутко умирали,
В крови безвинные лежали,
Что в одной стране ведь жили

И друг друга же любили.
Да война вдруг тяжко развела,
И любовь поубивала,
Злобу, ненависть воззвала,
Да путь бесовщине ведь дала,
А она смертью разошлась,
Где кровь безвинных полилась.
Ужель мы погрязли так в грехах,
Что вдруг брат в брата стал стрелять?..
Не смогли найти союз в делах,
Став с наслаждением убивать:
И родных, и близких, и друзей,
Совершенно маленьких детей.
Это ж безумие ведь в нас!
Где свет в нас разума погас...
Ты за всё, Всесущий, нас прости,
Дай нам разума и счастья,
Изведи из нас ненастье,
И на путь добра нас возведи,
Чтоб мы очистились душой,
Воззвав прощенье меж собой.

21.09.16 г. – 18.10.16 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Хархордина Т. В. «И я против злобной сей войны...».....3-9

Роман в стихах «Любовь, убитая войной»

ГЛАВА ПЕРВАЯ	10-41
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	42-71
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	72-103
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.....	104-137
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	138-173
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	174-211
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	212-244
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	245-278
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.....	279-310
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.....	311-331
ЭПИЛОГ.....	332-333

Литературно-художественное
издание

Лазор
Лидия Ивановна

ЛЮБОВЬ, УБИТАЯ ВОЙНОЙ

Роман в стихах

Том II

Второе издание
Доработанное и дополненное

Под редакцией автора

Художественный редактор Лазор Лидия Ивановна
Технический редактор Хархордина Татьяна Валентиновна
Компьютерная верстка Холод Елена Александровна

Сдано в набор 28.03.2017 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать лазерная. Усл. печ. 19,53. Уч.-изд. Л 19,94.
Тираж 1000 экз. Изд. №1324. Заказ №
Цена договорная.

Издательство «НОУЛИДЖ»
Свидетельство о регистрации серия
91051, г. Луганск, кв. Якира, 3/316,
Тел. (050) 475-35-13, e-mail: nickvnu@gmail.com

УДК 82-1(477.61)
ББК 84(Укр-4Луг)6-5
Л-17

Лазор Л. И.

Любовь, убитая войной. Роман в стихах. Т. 2. Второе издание. Доработанное и дополненное. / Лидия Лазор. – Луганск: Изд-во «Нолидж», 2017. – 336 с.

ISBN 978-615-579-693-1

В тридцать четвёртой книге «Любовь, убитая войной», которая является вторым томом дилогии, талантливый поэт и прозаик Лидия Ивановна Лазор представляет роман в стихах, написанный воззванной онегинской строфой, то есть такой же, какой был написан роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Данная строфа состоит из 14-ти строк и имеет определённую схему рифмовки. Оба романа дилогии – «Души лампадный свет» и «Любовь, убитая войной» - переключаются между собой и являются одним литературным произведением.

Эта строфа используется автором впервые в постсоветском пространстве. В настоящее время авторы не используют ни подобный жанр произведений, ни онегинскую строфу ввиду сложности её построения и написания.

Но Лидия Ивановна в романе «Любовь, убитая войной», несмотря на нелёгкую литературную рифмовку, смогла создать для читателей роман в стихах, написанный интересным классическим и доступным языком. В нём она сумела вскрыть непростые проблемы, которые обрушились на народ Украины и Донбасс в результате гражданской войны 2014-2017 гг. (перемирие заключено в 2015 году, но, однако, на момент окончания написания романа перестрелки, порой очень жестокие, продолжаются). В романе автор показывает боль, горе и смерти тысячи безвинных людей, где царили любовь, благодать и мир, однако, эти, Богом данные, ценности уничтожила жестокая война. Она посеяла не только боль и печаль в Донбассе, но и нищету, и разруху в Украине в целом.

Вместе с тем, автор верит, что убитая любовь, даже пройдя сквозь тернии, возродится и будет цвести зовом души и сердца через опосредованную мудрость народа.

82-1(477.61) УДК
84(Укр-4Луг)6-5 ББК

ISBN 978-617-579-693-1

© Лазор Л.И., 2017

